LE DEVOIR

DISCOURS

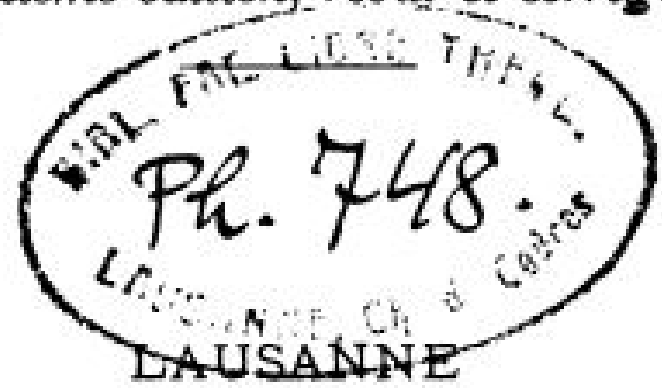
ADRESSÉ AUX DAMES DE GENÈVE ET DE LAUSANNE

PAR

ERNEST NAVILLE

correspondant de l'Institut de France.

Deuxième édition, revue et corrigée

BUREAU DE LA BIBLIOTHÈQUE UNIVERSELLE

1870

ДОЛГ

ЛЕКЦИЯ
ОБРАЩЕННАЯ К ДАМАМ ЖЕНЕВЫ И ЛОЗАННЫ

ЭРНЕСТ НАВИЛЬ

Член-корреспондент Института Франции (Академии моральных и политических наук),
бывший профессор философии в Женевском университете.

Второе издание, пересмотренное и исправленное

ЛОЗАННА

1870 г.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top

СОДЕРЖАНИЕ

- ПРЕДИСЛОВИЕ
- ВВЕДЕНИЕ – 3
- Первая часть. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕИ ДОЛГА – 3
  - Краткий обзор первой части – 11
- Вторая часть. ПРИРОДА ДОЛГА – 11
  - Краткий обзор второй части – 17
- Третья часть. ЦЕЛЬ ДОЛГА – 19
  - Краткий обзор третьей части – 28
- Четвертая часть. ПРАКТИКА ДОЛГА – 29
  - Краткий обзор четвертой части – 34

Краткие обзоры каждой части были созданы по образцу
книги «Вечная Жизнь», сделанные самим Эрнестом Навилем.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Лекция о долге была произнесена на двух заседаниях — в Женеве, а затем в Лозанне — зимой 1867–1868 годов. Она была записана с помощью стенографии и впервые опубликована в Bibliothèque universelle. Текст был тщательно пересмотрен во всех своих частях для этого второго издания и подвергся в нескольких местах изменениям, которые были усовершенствованы.
Лозанна, апрель 1870 года. Эрнест Навиль.

ВВЕДЕНИЕ

Долг! Это слово — одно из тех, что чаще всего слетают с наших уст. Дама, которая не может или не хочет принять визит, извиняется, говоря: «Я вынуждена уйти, я должна отправиться в такое-то место». Когда Тит жертвует своей любовью ради величия Рима и требований своего императорского положения, он объявляет Беренике:

> Сдерживаемый законами сурового ДОЛГА,
> Он должен навсегда отказаться от встречи с нею.
> (Расин, «Береника», акт V, сцена 6)

Так слово долг постоянно присутствует в нашей речи — как в повседневных разговорах, так и в последних, трагических битвах, что разрывают нам сердце. Я хотел бы понять, что заключает в себе это слово и что оно предполагает, раскрыть его, так сказать, чтобы извлечь всё его содержание. Задача велика, и мы сможем лишь наметить основные черты этой необъятной темы. Всё во вселенной связано между собой так, что для полного понимания одной вещи надо было бы понять всё. Тем не менее, есть узлы, в которых нити мироздания сплетаются особенно тесно, — и среди этих узлов идея долга, без сомнения, одна из важнейших.

Мы рассмотрим последовательно: Происхождение идеи долга, её собственную природу, её цель, — а затем перейдём, для завершения, к рассуждениям, касающимся практики долга.

- Происхождение идеи долга
- Природа долга
- Цель долга
- Практика долга

Таков будет порядок наших размышлений.

† † †

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИДЕИ ДОЛГА

вернуться к содержанию >>>

Идея долга — сущностная черта человеческой души; существо, которое не обладало бы ею, лишалось бы одного из характерных признаков человечности и таким образом представляло бы то, что натуралисты называют чудовищем, то есть индивидом, которому не хватает одного из существенных атрибутов своего вида. Если бы мы искали происхождение долга в абсолютном смысле, нам не пришлось бы искать ничего иного, кроме самого сотворения души. Но эта идея, присущая человеческой природе, не проявляется с самого начала жизни; мы не начинаем с неё.

Существуют разные ступени нравственного развития, которые образуют своего рода лестницу, по которой душа, начиная с низших проявлений своей деятельности, постепенно поднимается к великолепным вершинам, озарённым полной светом идеи добра. Мы установим ступени этой лестницы, и на каждой из них мы встретим доктрину, философию, которая хочет остановиться на этой ступени, не поднимаясь выше, и которая, оставаясь неполной, становится ложной.

В начале нашей жизни нравственное сознание дремлет, и нами руководит сердце. Здесь мы употребляем слово «сердце» не в возвышенном смысле, где оно относится исключительно к нашим привязанностям к другим людям, а в самом общем смысле, который ему придают философия и, порой, обычный язык. Под словом «сердце» мы понимаем орган всех наших желаний, всех склонностей, всего того, что нас привлекает и побуждает к действию. В этом

самом общем смысле мы говорим: «Этот человек поступает так, как ведёт его сердце». Мы хотим сказать, что он следует всем своим порывам — от тех, что относятся лишь к телесному, до тех, где проявляются высшие стремления нашей природы.

Живя так, по велению сердца, человек поддается тому, что ему нравится; и здесь проявляется разнообразие вкусов: у одного — вкусы, которые мы называем низкими и грубыми, он любит пить и есть и ничего кроме этого; у другого — вкусы, которые мы называем благородными и возвышенными, он любит искусство, поэзию, нежные и чистые эмоции. Мы говорим, что у одного природа хорошая, а у другого — плохая. Но, пока воля не вступает в действие, и человек лишь следует своим вкусам, он не является ни хорошим, ни плохим сам по себе, потому что у него нет личного существования, нравственного существования; у него нет в себе никакого принципа действия.

Такой образ жизни — просто пускать себя в волю тому, что привлекает и соблазняет, — был провозглашён максимой мудрости, для оправдания которой создана философия. Эта философия была основана греком Ари́стиппом, уроженцем города Кирена в Африке, Кирена была также родиной Симона, которого солдаты Пилата задержали на улице, чтобы заставить нести крест Иисуса Христа.

Философия Аристи́ппа основывается на двух идеях: первая — человек создан для наслаждения; вторая — жизнь крайне неопределенна, никто не может знать, будет ли он жить завтра, через час или минуту. Из этого философ выводит два правила поведения: первое — принимать все удовольствия, независимо от их природы, не делая между ними различий, поскольку всё, что является удовольствием, одинаково подходит природе, созданной для наслаждения; второе — схватывать удовольствие момента, никогда не думая о его последствиях, поскольку жизнь так неопределённа, что настоящий момент может не иметь ни последствий, ни результатов.

«Молодой человек, иди, куда ведёт тебя сердце, и по направлению взгляда твоих глаз». Эти слова из Книги Екклесиаста прекрасно резюмируют учение Аристи́ппа. Только текст Екклесиаста добавляет: «Но знай, что за всё это Бог возьмёт с тебя отчёт» — и эта мысль совершенно чужда основателю школы Кирены.

Это учение — философия удовольствия; она возводит в правило мудрости то, что есть самая неразумность. Но, как сказал Цицерон, «нет ничего настолько абсурдного, чего бы какой-нибудь философ не защищал». Учение может показаться привлекательным, но при трёх условиях: если у тебя есть молодость, здоровье и богатство. Аристи́пп был молод, как и все; очевидно, он был здоров; он был богат и увеличивал своё состояние, щедро взимая плату за свои уроки. Но молодость не вечна; не все здоровы; и не все богаты.

В опьянении радостью, в головокружении от удовлетворённых страстей можно пытаться собирать повсюду розы, но розы жизни похожи на полевые — сезон идёт, цветы опадают, и остаются лишь шипы. Если вся жизнь отдана удовольствиям, тело истощается, дух оскудевает, и наступает страшная и слишком частая ситуация утомлённого удовольствиями человека, который больше не получает от них радости и который связан узами привычки. Тогда человек переходит от скуки к расточительству и снова возвращается от расточительства к ещё более глубокой скуке, из которой пытается выйти, ища оглушающих радостей, которые оказываются ложными и пустыми. Вот почему школа Аристи́ппа закончила плохо.

В одном из самых серьёзных историков философии, докторе Риттере, я нахожу такие строки: «Поскольку учение Аристи́ппа было выражением духа, склонного к радости и жившего в благоприятных обстоятельствах, оно могло иметь прямо противоположный

эффект в менее счастливых обстоятельствах и у характеров, менее склонных к радости. Это и показало учение Гегефия».

Гегефий был последователь Аристи́ппа и рассуждал так: «Человек создан для наслаждения, но он не достигает своей цели, поскольку жизнь по сути горька. Человеку нечего лучше делать, как покончить с собой и таким образом погрузиться в ничто — существо, которое не смогло достигнуть своей цели». Античные писатели сообщают, что полиция закрыла школу Гегефия, потому что после его проповедей, наполненных убедительной и мрачной речью, слишком много людей покончили с собой. Мы находимся на самой низкой ступени развития человека и в плохих трясинах; давайте поспешим подняться на следующую ступень.

Поднимаясь на следующую ступень, мы встречаем в Афинах спокойного и доброго человека, живущего в саду, окружённого друзьями и учениками, с которыми он проводит время в мирных беседах. Этот знаменитый человек — Эпикур. Он исходит из той же исходной мысли, что и Ари́стипп: «Человек создан для наслаждения», но добавляет к ней идею, что человек — разумное существо, которое должно использовать разум и учитывать, что жизнь, хотя и неопределённая, обычно имеет определённую продолжительность. Следовательно, надо вести себя в настоящем с прицелом на будущее; надо рассчитывать свои действия так, чтобы обеспечить себе максимальное количество удовольствий.

Отсюда вытекают такие правила: «Отказываться от удовольствия, если оно принесёт боль, которая его превзойдёт; принимать боль, если она послужит причиной большего удовольствия, чем сама по себе». Вот разум, который кажется здравым и позволяет организовать жизнь. В теории Ари́стиппа не было возможности оправдать поступок человека, который, мучимый невыносимой болью, терпит удаление зуба. Эпикур же говорил, что существуют удовольствия разной природы: удовольствия тела, разума, сердца — и нужно учитывать все.

По его мнению, суть мудрости, истинное применение разума, освещённого опытом, — признать, что умеренность во всём есть условие подлинной радости, и что счастье заключается в спокойствии. Таким образом, за философией удовольствия следует философия благополучия. Поскольку существует глубокое и существенное согласие между долгом и счастьем, Эпикур, хотя и отодвигал моральный порядок на задний план и считал только расчет удовольствия, тем не менее выработал отличные правила поведения. Давайте проиллюстрируем это на нескольких примерах из нашей современной жизни.

В моей молодости в Женеве по полицейскому постановлению было запрещено танцевать после полуночи. Это постановление отменили или оно вышло из употребления. Сейчас стало обычным проводить всю ночь на гулянках; недавно я видел на стенах нашего города объявление о публичном балу, который начинался в 11 вечера — то есть в то время, когда разумные люди считают, что пора спать. Аристипп сказал бы: Танцуйте, танцуйте, пока вам это нравится; ловите радость, пока она здесь; не думайте о завтрашнем дне — завтра вас, возможно, уже не будет.

Эпикур же сказал бы, заимствуя слова Виктора Гюго: «Какой грустный завтрашний день оставляет за собой бал веселья!» Он сказал бы: Танцуйте немного для отдыха и развлечения — пожалуйста, но если вы проведёте всю ночь на балу, то приготовите себе усталое, грустное и мрачное завтра; вы приготовите себе мучительный день, полный отвращения к необходимым делам жизни. Поэтому избегайте удовольствий, которые за собой влекут боли, превышающие эти удовольствия.

Другой пример: мы обычно едим слишком много, а роскошь на столе — будь то из-за чувственности или, возможно, ещё больше — из-за тщеславия — сильно разрослась.

Ари́стипп сказал бы: Ешьте и пейте, потому что завтра, возможно, вы умрёте; никогда не упускайте случая хорошо поесть и не отказывайтесь от бокала хорошего вина.

Эпикур же сказал бы: Привычка переедать и искусственно возбуждать аппетит выбором и разнообразием блюд только работает на аптекаря и врача — очень достойных людей, безусловно, но с которыми следует иметь дело как можно реже в своей жизни. Он добавил бы: Вы лишаете себя одним лишь отсутствием умеренности одной из величайших радостей природы — удовольствия есть, когда голоден. Вы не знаете, что простой кусок варёного мяса и стакан воды доставляют больше удовольствия тем, у кого обычно аппетит открыт, чем самые изысканные ужины, поданные утомлённым желудкам.

Сам Эпикур, живя в соответствии со своим учением, отличался замечательной умеренностью. Однако его ученики, привлечённые идеей удовольствия, которой он был апостолом, искали удовольствие везде, кроме строго воздержанной и умеренной жизни. Заметим мимоходом, что на знаменитой фреске Рафаэля «Афинская школа» Эпикур изображён увенчанным цветами и в полусне, который наступает после слишком обильной трапезы. Эта фигура представляет школу Эпикура, но не отображает личность этого знаменитого философа.

Исходная точка его учения — поиск удовольствия. Мудрость научила его, что честная жизнь — самая плодотворная в радости; но большинство его учеников, особенно практических, сохранили исходную точку и пришли к правилам поведения, весьма отличающимся от тех, что проповедовал и практиковал учитель. Фигура, изображённая Рафаэлем, может действительно представлять школу, но она клевещет на её основателя. Такова философия благополучия.

Как бы осторожно ни рассчитывали мы жизненные шансы, жизнь есть с её неизбежными несчастьями, и, как сказал Паскаль, рассуждая об этом в одной из тех лаконичных и глубоких своих фраз, которыми он славен: «болезни приходят». Болезни тела, которые поражают даже самых умеренных; болезни души — тревоги, печали, меланхолия, все страдания бытия. Что же станет с философией благополучия? Стоит ли жаловаться? Нет, отвечает поэт Лукреций, знаменитый интерпретатор учения Эпикура; вместо того чтобы жаловаться, надо покончить с собой: «Почему ты не можешь сам положить конец своей жизни и своим мучениям?»

Вот мы снова возвращаемся к выводам Гегесия; мы не хотим здесь останавливаться, значит, нам нужно подняться ещё на ступень выше. Вот образ другого грека — серьёзного, строгого, почти изможденного. Это образ Зенона, основателя так называемой стоической доктрины. Эта доктрина имела среди прочих известных представителей императора Марка Аврелия и раба Эпиктета. Философия стоиков занимается различением того, что зависит от нас, и того, что от нас не зависит. То, что не зависит от нас — это все внешние по отношению к нашей воле вещи: удача, репутация, состояние дел, здоровье и так далее. Эти вещи не зависят от нас, однако именно на них мы обычно возлагаем своё счастье, именно их желаем и стремимся достичь.

Таким образом, мы оставляем своё счастье на милость всех жизненных случайностей, на милость ветров и волн. То, что зависит от нас — это наши поступки, наши мысли и, одним словом, наша добродетель; и это мы обычно забываем и пренебрегаем, рассчитывая свою жизнь. Однако в применении собственной силы, в добродетели есть радость, которая в своей основе является единственной истинной радостью, единственной, которую мы должны искать, единственной, которая всегда в нашем распоряжении.

Кто хочет быть счастливым, должен освободиться от тщеславия, от чувственности, привыкнуть считать пустяками разные случайности жизни и презирать боль как не являющуюся злом, ибо добродетель — это единственное благо. Мы ищем радость, поддаваясь своим склонностям, и не видим, что настоящая радость, великая радость, радость, соответствующая человеческой природе, и которую человек всегда и везде может себе доставить — это победить свои склонности и способствовать своей победе.

Стоическая доктрина была кратко выражена Мольером в двух строках, которые можно было бы принять за произведения Корнеля:

«Нет для истинного мудреца ни одного печального удара,
И, потеряв всё, он остаётся самим собой».

Эта философия — философия достоинства. Она может сильно помочь нам отвернуться от чувственности, тщеславия, от забот о богатстве и амбиций славы. В сочинениях стоиков есть замечательные страницы, полезные для всех без исключения. Можно узнать, что самые ценные блага независимы от внешнего положения человека, что они принадлежат области воли и разума, а не внешних вещей, изменяющихся по воле судьбы; так что самый бедный и несчастный может обладать ими так же, как и богатый и могущественный. Если император Марк Аврелий уважает вас, когда излагает такие мысли, поскольку легко поучать других отказываться от тех благ, которыми сам обладаешь, вы сможете принять такие же уроки от Эпиктета — раба, чей хозяин, по всей видимости, не всегда был добр.

Именно он, Эпиктет, скажет вам, что счастье можно найти при любых жизненных условиях и оно всегда доступно каждому. Вот его собственные слова: «Поскольку счастье находится лишь в вещах, которые в нашей власти, а вещи, не зависящие от нас, не могут его дать и не заслуживают зависти, ты не будешь стремиться быть ни императором, ни консулом, ни сенатором, а будешь свободен. Единственный путь к этой свободе — беззаботность ко всему, что от тебя не зависит».

Итак, человек должен стать сильным, должен стать свободным, ибо свобода — его истинная природа. Но когда он достигнет свободы от влияния внешних обстоятельств, освободится от тщеславия и чувственности, как он применит свою вновь обретённую силу? Когда он станет человеком в своём достоинстве, чему он посвятит своё восстановленное могущество? Здесь проявляется слабая сторона стоицизма. Он прекрасно понял условие долга, то есть существование свободы, но сама идея долга ему была чужда. Люди этой школы хорошо поняли, что существует, выше мира сует, пустяков и чувственных наслаждений, другой мир — мир разума.

Они также понимали, что человек по своей природе существо общественное, и качество человека выше всех различий, разделяющих и разделяющих нас. Они создали и пропагандировали, противопоставляя себя узости античных городов, великую идею всеобщего государства, охватывающего всю человеческую семью. Они, таким образом, заняли своё место на листе полной истины. В их сочинениях, повторяю, есть хорошие, восхитительные страницы; но когда их учение осознаёт себя, когда оно освобождается от счастливых противоречий, которыми полны страницы Эпиктета и Марка Аврелия, оно утверждает, что человек должен находить всю свою радость в обладании самим собой и в состоянии безразличия, делающем его равнодушным ко всему.

Стоики говорят о социальной природе человека, о всеобщем государстве, говорят о долге; но стоицизм, верный своему духу, оставляет индивида наедине с собой и ставит вершиной мудрости беззаботность ко всему, что не есть я. Отсюда вытекают два следствия.

Во-первых, не следует любить, ибо любовь — великая причина беспокойства; разум должен уничтожить всякую любовь в душе мудреца. Марк Аврелий трогательно говорит о своей признательности к разным своим благодетелям — говорит сердце человека; но Эпиктет, выражая истинную мысль стоической школы, скажет: «Тебе нравится сосуд? Он хрупок; если он разобьётся — не огорчайся. Это твой сын, жена, друг, которого ты ценишь? Природа сделала их смертными; если они умрут — не будь безутешен». Ты тревожишься о дурном предзнаменовании? Хочешь вернуть спокойствие? Просто скажи себе: «Это может угрожать лишь моему телу, моему имуществу, моей репутации, моей жене или детям; а меня — нет».

Мудрец не должен любить — вот первое следствие доктрины; а вот второе. Мудрец не должен действовать вне себя, ибо действие — источник беспокойства. Ты беспокоишься, говорит Эпиктет, что твой раб порочен? Не печалься; «лучше, чтобы твой раб был злым, чем ты — несчастным». Так, в восхитительных и полных добрых советов страницах, когда доктрина раскрывает свои настоящие последствия, появляется суровая нечувствительность и гордость, которая становится свирепой.

Истинный смысл учения был сразу установлен предшественником Зенона — Антисфеном. Антисфен учил, что добродетель — единственное благо. Причём добродетель, как он её понимал, заключалась исключительно в борьбе против всех внешних влечений и в лишении себя по возможности всего, чтобы довольствоваться одним лишь обладанием собой.

Знаменитый Диоген, ученик Антисфена, посчитал, что достиг вершины добродетели в тот день, когда выбросил свою деревянную чашку, чтобы пить воду, как собака. Но когда человек сосредотачивает всю свою деятельность лишь на освобождении от всех внешних потребностей, он не настолько наслаждается собой, чтобы не нуждаться в том, чтобы другие восхищались его силой. Это прекрасно понял Сократ. Сократ, обладая глубоким взглядом мудрости, понял роль тщеславия в добродетели, которая, казалось бы, довольствуется лишь собой. Как Антисфен был одет в старый прорванный плащ, чтобы показать, что он не ценит красоту одежды и не боится холода, Сократ однажды сказал ему: «Антисфен, твоё высокомерие просвечивает сквозь дыры в твоём плаще».

Но если человек не находит достаточной радости в этом обладании собой, проявляющемся в борьбе с потребностями и влечениями, что же он сделает? Убьёт себя и тем докажет, что действительно хозяин себя. Эпиктет скажет, вдохновляясь естественным разумом и, возможно, мыслями Платона: «Ждите Бога и Его повелений. Когда Он сам подаст знак, тогда вы уйдёте к Нему». Но стоик Сенека истолковывает доктрину школы, которая делает человека абсолютным хозяином самого себя, провозглашая легитимность самоубийства: «Заканчивай пьесу там, где хочешь, лишь бы развязка была прекрасна».

Вот мысль Паскаля по этому вопросу. Он цитирует великое правило стоиков: быть довольным собой и благами, которые исходят только от себя; затем добавляет: «Здесь есть противоречие, ибо в конце они советуют покончить с собой. О, какая счастливая жизнь, от которой избавляются, как от чумы!»

Эпикурейцы и стоики — две из самых известных сект древности; представители их однажды встретились на публичной дискуссии с апостолом Павлом на афинской площади. Неверно, как часто говорилось, что философия Эпикура — это учение о счастье, а философия Зенона — учение о долге. Я особенно хочу отметить эту ошибку, поскольку и я сам её совершал и преподавал. Слова Александра Вине прояснили для меня этот вопрос: «Стоик, — говорит он, — понимает добродетель как силу, а не как послушание. Для него она предстает не под видом долга, а под видом достоинства». Всякий раз, когда человека считают своим собственным хозяином, истинная идея долга отсутствует, ибо суть долга — показать человеку, что он не хозяин себе.

Учение Зенона, как и учение Эпикура, направлено на поиск счастья. Обе доктрины утверждают, что человек может обрести счастье индивидуально: «Мудрец самодостаточен» — вот их общее правило. Затем эти две секты расходятся в том, что одна ищет счастья во внешних вещах, а другая — в душе; но в основе всегда эгоизм — эгоизм слабых, которому Эпикур дал теоретическое обоснование, или эгоизм сильных, которому Зенон написал устав. Однако поиск счастья не достигает цели, ни по путям, указанным Зеноном, ни по тропам, проторённым Эпикуром.

Цитирую снова Паскаля: «Стоики говорят: войдите в себя, там вы найдёте покой; — но это неверно. Другие говорят: выходите наружу, ищите счастье в развлечениях; — но это тоже неверно». Мир обманчив, душа пуста, и поэтому одна и другая секты приходят к мысли о самоубийстве, потому что жизнь, взятая с точки зрения эгоизма, даже самого возвышенного, в глубине своей печальна. Мы ещё не встретили долг; мы нашли лишь его условие — идею свободы и личного достоинства; чтобы встретить сам долг, нам нужно подняться ещё на одну ступень.

На высшей ступени развития моральной жизни предстает величайшая фигура древности — Сократ. Сократ, сознательный гражданин, верный, отважный и усердный солдат, после того как исполнил свои гражданские и военные обязанности, посвятил себя особенно изучению и преподаванию мудрости. Его мудрость постепенно вызвала против него страсти разных классов граждан, и, в конце концов, от этого назойливого оратора избавились, заставив его выпить яд цикуту.

Послушаем, как он обращается к судьям, которые собирались приговорить его к смерти: «Было бы странным с моей стороны, если бы, после того как я верно, как доблестный солдат, занимал все посты, которые мне поручали ваши полководцы, сегодня, когда, по воле бога Дельфийского, как я верю, мне велено провести дни в изучении философии, исследуя себя и других, страх смерти или какой-либо другой опасности заставил бы меня покинуть этот пост...

Если бы вы сказали мне: «Сократ, мы оправдываем тебя, но лишь при условии, что ты прекратишь философствовать и свои обычные изыскания, а если снова начнешь и будешь пойман, ты умрешь», — то, да, если бы вы поставили такие условия, я ответил бы вам без колебаний: «Афиняне, я вас почитаю и люблю, но послушаю скорее Бога, чем вас, и пока дышу и имею хоть немного сил, не перестану заниматься философией, предостерегать и советовать вам и всем встречным своим обычным словом: «О, друг мой! Как, будучи афинянином, гражданином великого города, славящегося своей просвещённостью и могуществом, ты не краснеешь от того, что думаешь только о накоплении богатства, приобретении влияния и почестей, не заботясь о правде, мудрости, о своей душе и её совершенствовании?»

Вот так я говорил бы каждому, кого встречал — молодым и старым, соотечественникам и чужеземцам, но прежде всего вам, афиняне, потому что вы мне ближе всего. Знайте, что это веление Бога, и я убеждён, что нет ничего полезнее для республики, чем моё усердие в исполнении божественного приказа, ибо всё моё занятие — убеждать вас, молодых и старых, что забота о душе и её совершенствовании стоит превыше всякой заботы о теле и богатстве, превыше всех других забот. Я не перестаю повторять вам, что не богатство делает добродетель, а, напротив, добродетель делает богатство, и именно из неё рождаются все остальные общественные и частные блага».

Сколько всего в этих словах! Человек стоит на определённом посту, и этот пост возлагает на него задачу, которую он должен выполнить в отношении всех людей, но прежде всего — тех, кто ему ближе всего по самой своей должности. Эта задача — от Бога, и повиновение Богу

должно быть основой нашей жизни. Вот долг, долг во всей его полноте и величии; вот назначенная цель той силы, которую стоики понимали, что нужно освободить, но которую, по крайней мере, в своей доктрине (ибо их произведения часто носят отпечаток сначала сократических, а затем и христианских мыслей), они не знали, как употребить. И Сократ добавлял, что счастье неразрывно связано с долгом; он не учил, как Зенон, презирать внешние радости; он не учил, как Аристея, что все радости равны, но утверждал, что существует порядок — порядок долга, и именно в этом порядке встречается истинная радость, счастье, которое нельзя найти в другом месте, кроме как в его обманчивом образе.

Мы достигли высшей точки древней мудрости — философии долга. Начиная с Сократа и его великого ученика Платона, мудрость древних в некоторых отношениях отступила — почему, мы скажем скоро. Пока остановимся здесь, чтобы рассмотреть шкалу моральной жизни, которую мы только что установили. На самой низкой ступени человеческого развития мы находим чистое стремление к удовольствию, кодифицированное Аристеем; чуть выше — философию благополучия, в которой появляется элемент разума и которую сформулировал Эпикур; выше — философию достоинства, признающую в человеке принцип свободной силы, которая его констатирует, — и вот мы у Зенона; ещё выше — у Сократа — подлинная идея долга.

И всегда были и есть в обществе люди, которые ярко представляют каждый из этих четырёх типов. Есть люди, живущие лишь ради удовольствий; есть те, кто внимательно рассчитывает сумму своих радостей; есть те, кто применяет свою силу для поддержания личного достоинства; наконец, есть те, кто явно действует под импульсом чувства долга. Но без дальних поисков каждый может найти эти четыре типа в себе самом, ибо на любой ступени мудрости нам иногда случается спускаться по всем ступеням моральной жизни. Когда вы поддаётесь всем внешним влечениям, оставляя волю спать, отрекаясь от своей личной силы; когда отдаётесь первому попавшемуся удовольствию, не рассчитывая последствий; когда позволяете себе страсть, которая приведёт к долгим раскаяниям, — вы принадлежите к школе Аристея и вам есть чему поучиться у Эпикура.

Когда утром, проснувшись, ваша единственная забота — приятно провести день, тщательно рассчитывая все свои шаги, чтобы избежать скуки и неприятностей жизни, — вы принадлежите к школе Эпикура и вам есть чему поучиться у Зенона. Когда вы направляете свою силу против внешних влечений, чтобы оставаться хозяином самого себя, и ваша единственная цель — наслаждаться этой силой, восхищаться собой и пользоваться случаем, чтобы вызвать восхищение у других, — вы принадлежите к школе Зенона и вам есть чему поучиться у Сократа. Сократ поднялся на высшую вершину мудрости, где смысл жизни сводится к мысли: «Вот я, о Боже! Чтобы исполнять Твою волю».

Я признаю, что мы обладаем более высоким светом; я не игнорирую те тени — а иногда довольно мрачные тени — которые остаются в самой прекрасной школе греческой философии; но когда я слышу нелестные слова, да порой и довольно глупые, об учителе Платона, я часто вспоминаю эту хорошую и забавную мысль аббата д’Оливе: «Безусловно, добродетели Сократа не могут нам полностью хватить, но давайте начнём с того, чтобы их иметь».

Мы спросили: каково происхождение идеи долга? Теперь мы можем ответить: идея долга возникает тогда, когда появляется ощущение свободной силы, которая освобождается от влечений, от слепых порывов сердца, и признаёт, что у неё есть законная цель, которой она должна посвятить себя, если хочет быть в порядке. Идея долга появляется тогда, когда в высшей области — не только выше влечений, пустяков и головокружения жизни, но также выше и корыстных расчетов эгоистичной осторожности — эти две неотделимые понятия овладевают душой: моральный закон и свобода.

Краткий обзор первой главы вернуться к содержанию >>>

Глава посвящена истокам и природе идеи долга — как и почему у человека возникает чувство обязательства, моральной необходимости поступать определённым образом. Автор исследует не просто внешние нормы, а внутренний источник и фундаментальное значение долга.

- Долг как универсальное явление
  - Автор начинает с констатации, что чувство долга присутствует в жизни всех культур и эпох.
  - — Это не случайность или культурная случайность, а что-то глубинное, присущее человеческой природе.
- Долг и сознание свободы
  - Автор связывает появление долга с осознанием человеком собственной свободы воли.
  - — Долг предполагает возможность выбора — без свободы не может быть и обязанности.
- Долг — не только внешний закон, но внутренняя необходимость
  - — Он противопоставляет понятие долга механическому послушанию или страху наказания.
  - — Истинный долг — это внутреннее требование совести, осознаваемое и принятое свободно.
- Происхождение идеи долга в человеческой душе
  - Навиль утверждает, что чувство долга не может быть сведено к материальным причинам или социальным установкам.
  - — Оно возникает из ощущения обязательства перед чем-то высшим, абсолютным, что делает человека ответственным.
- Связь долга с идеей справедливости и добра
  - Долг всегда направлен к достижению справедливости, порядка, добра.
  - — Он выступает как регулятор человеческих отношений и как нравственный закон.
- Проблема происхождения долга в философии и религии
  - Автор рассматривает разные подходы:
  - — Секулярные объяснения — долг как продукт воспитания или социального договора;
  - — Религиозные — долг как воля Бога.
  - Автор склоняется к тому, что полное понимание долга требует признания трансцендентной основы, связанной с Богом или абсолютной моралью.

† † †

Вторая часть. ПРИРОДА ДОЛГА вернуться к содержанию >>>

После того как мы изложили происхождение идеи долга, постараемся теперь уточнить его природу.

В душе существует один совершенно особый феномен — чувство обязанности. Слово обязанность в своём моральном значении пробуждает в нас представление вполне простое и отличное от всех прочих. Моральная обязанность — это не желание, ибо нередко она противоречит самым сильным желаниям нашего сердца. Моральная обязанность — это не принуждение: она оставляет нам ясное сознание нашей свободы; мы можем нарушить её — и действительно нарушаем.

Совесть содержит в себе повеление — и повеление, которое мы ощущаем как законное. Если это законное повеление исполняется, наша воля — добра, мы исполнили свой долг; если оно не исполняется, наша воля — зла, мы не исполнили свой долг. Моральная обязанность касается не только наших внешних поступков, она обращена к нашему намерению. Гражданский закон предписывает нам определённые действия и не заботится о настроениях нашего сердца. Государство требует, чтобы мы платили налоги, и ему совершенно безразлично, платим ли мы их по совести или из страха перед судом; оно хочет получить деньги, и когда оно их получает, оно удовлетворено, его цель достигнута.

Но в нравственном порядке дело обстоит иначе. Вот, например, дама, которая жертвует крупные суммы на сборы, результаты которых публикуются, печатая имена жертвователей и размеры их взносов, — и в то же время она приберегает двухсантимовые монеты, чтобы бросать их в ящики для пожертвований, куда подать можно скрытно от постороннего взгляда. Эта дама полезна для сборов, которые она поддерживает, но она не исполняет морального предписания милостыни. Та девушка, которая добра, нежна и любезна в обществе, но раздражительна, угрюма и холодна дома, — может быть приятной в свете, но её любезность не является добродетелью. Обязанность, связывающая нас с предметом нашего долга, предписывает нам не только действия, но и намерения.

Делать добро — это не просто совершать тот или иной поступок; делать добро — это желать быть добрым. Специфический характер моральной обязанности легко распознать. Сожаление, связанное с тем, что мы не достигли цели, и раскаяние, связанное с нарушением совести, — это два чувства столь различных, что никто не может их спутать. Предположим, например, что вы отправились в горное путешествие в день, когда все признаки обещали хорошую погоду. Против всех разумных ожиданий вас застала буря, и вы вернулись домой промокшим и ничего не увидев. Вы можете сожалеть о неудавшейся прогулке; но, разумеется, вы не раскаиваетесь в том, что вышли из дома. Бывает даже, что вы возвращаетесь мокрым, но довольным.

А теперь представим обратное: вы совершили прогулку в самых благоприятных внешних обстоятельствах; вид на Альпы был великолепен, погода идеальна, поля были усыпаны цветами — но, поддавшись влечению к удовольствию, вы пренебрегли обязанностью, настоящим долгом, который должен был удержать вас дома. Возможно, вы страдали даже среди всей этой красоты природы и в самой приятной компании. Вы страдали от чувства, что не сделали того, что должны были сделать, — и это страдание было иным и глубже, чем просто сожаление: в вашей душе было раскаяние. Различие между сожалением и раскаянием, в котором проявляется особая природа моральной обязанности, не может быть не замечено тем, кто захочет хоть немного поразмышлять над этим вопросом.

Совесть, орган моральной обязанности, произносит повеление — и это повеление имеет три характеристики, которые мы кратко рассмотрим.

Во-первых, повеление совести — абсолютно. Когда вы хотите достичь определённой цели, вам нужно подобрать для этого подходящие средства. Если вы хотите уехать поездом, вам нужно прийти вовремя; но при этом, возможно, у вас нет никакой обязанности ехать на этом поезде — это остаётся на ваше усмотрение. Тогда как в повелениях совести нет никакого "если", или, по крайней мере, есть только одно: если ты хочешь быть добрым. Это и выражает то, что мы называем абсолютным характером морального повеления: надо! ты должен!

Во-вторых, повеление разумно, то есть обладает характером универсальности. У совести нет капризов; она не приказывает произвольно одному — одно, другому — другое; она провозглашает закон воли, закон всеобщий и одинаковый для всех.

Это не значит, что у нас нет разных обязанностей; и действительно, если рассмотреть всю полноту человеческой жизни, не найдётся двух людей, имеющих одинаковый долг, потому что нет двух людей, находящихся в совершенно одинаковых обстоятельствах. Но если обстоятельства одни и те же, закон — один и тот же для всех. Никто не стоит ни ниже, ни выше его. Он образует всеобщий порядок, и именно универсальность отличает то, что философы называют истинами разума. Вот почему мы говорим, что, в противоположность прихоти или произволу, повеление разумно.

В-третьих, повеление благотворно. В это трудно поверить сразу. Повеление часто кажется нам жёстким, суровым; оно противоречит нашим склонностям, нашему естественному стремлению к удовольствию и наслаждению. Но жизненный опыт даёт два главных урока — и тем, кто повинуется совести, и тем, кто её нарушает.

Во-первых, нет подлинной радости, прочной, постоянной, нет счастья в подлинном смысле слова вне порядка долга. Всякая преступная радость — обманчива и обращается в горечь; для того, кто нарушает закон, блага жизни оборачиваются злом.

Во-вторых, в самом исполнении долга есть радость особого рода, способная заменить и даже превзойти все другие. Эта радость от выполненного долга не всегда ощущается сразу и непосредственно. Есть души, в которых врождённая печаль, порождённая их характером или темпераментом, тормозит и как бы парализует развитие радостных чувств. Тем не менее, они чувствуют, что делать долг — это хорошо; пусть у них нет немедленного ощущения радости, но они хотя бы предчувствуют её. «Где же счастье? — восклицал я, несчастный..». После того как он задал себе этот вопрос, Виктор Гюго отвечает: «Счастье, о Боже мой! Ты мне его даровал!»

Эти слова имеют глубокий смысл. Бог, предписав нам долг, даровал нам счастье как следствие исполненного долга. Счастье не вне нас, но и не только в нас; оно ускользает как от последователей стоиков, так и от эпикурейцев. Счастье — в порядке, в долге, в добре; и когда присутствуют порядок, исполненный долг, добро, — счастье присутствует и в нас, и вне нас, оно повсюду. Следовательно, счастье находится в наших руках, поскольку зависит от нашей воли. Нам достаточно обрести его посредством полного исполнения долга. Как только мы вступим в порядок, мы обретём блаженство — или, по крайней мере, надежду, твёрдое предчувствие блаженства. Но, если говорить с полной точностью, у нас нет силы, у нас нет мужества сделать себя счастливыми — такова основная беда нашего нынешнего состояния.

Повеление совести, которое является абсолютным, разумным и благотворным, проявляется в двух различных формах, которые необходимо различать. Совесть запрещает: «ты не должен», и совесть повелевает: «ты должен». В своей первой — ограничительной или запрещающей — форме повеление оставляет нас владыками самих себя, хозяевами своих поступков, властелинами своей судьбы, пока мы не переходим определённые предписанные границы. Во второй же — императивной — форме, оно указывает нам цель, задачу, которую нужно исполнить, — это закон нашей свободы.

Послушаем мадам Неккер де Соссюр: «Если внимательно рассмотреть людей, составляющих массу порядочных людей, можно заметить, что они делятся на две чёткие категории. Одни следуют своим склонностям, убедившись прежде, что в этом нет ничего противозаконного; другие повинуются зову, который обращён к ним совестью; они верят, что им надлежит исполнить миссию». («Прогрессивное воспитание», т. III, кн. 3, гл. 2)

А ведь всем нам дана миссия, и пока мы её не распознали, мы не знаем истинной природы долга. Если видеть в повелении совести лишь запрет, можно остаться в рамках порядочного

эгоизма. Но в таком случае долг — всего лишь ограда, барьер, заграждение (а ведь мы не любим заграждений — особенно тех, что нас сдерживают): долг тяготит, сковывает, утомляет, надоедает. Однако как только мы начинаем видеть в долге цель, которую нужно достичь, дело, которое нужно исполнить, — дело, которое отвечает всему великому, высокому, чистому в нашей душе, — долг становится мощным побуждением, порывом, способным достичь возвышенности.

Лишь тогда человек способен по-настоящему и последовательно исполнять ограничительные нормы совести. Тот, кто хочет просто воздерживаться от зла, не сможет преуспеть; зло побеждается не отказом, а добром, любовь преодолевается только любовью. Слышали ли вы в детских сказках историю о старой, сварливой и отталкивающей фее, которая внезапно превращается в молодую женщину, ослепительно красивую и светящуюся благодатью? Вот такую же трансформацию переживает идея долга, когда, после долгого времени её восприятия только как запрета, человек вдруг постигает её как стремление к великой цели, которую надо достичь.

Грубая ошибка воспитания состоит в том, чтобы представлять долг лишь в его запретительной форме. Если постоянно говорить детям: «Стой! Осторожно!», — мы заставляем их ненавидеть мораль; и даже если не пробудим в них бунта, то произведём трусливые и застенчивые натуры. Да, детям, как и взрослым, нужны запреты и даже розги, — но прежде всего им надо показывать прекрасную сторону долга, указывать цель, которая отвечает высшим стремлениям человеческой природы, и говорить им: «Надо! Вперёд!». Вот как воспитываются сильные и великодушные натуры.

Совесть предлагает каждому из нас миссию, и именно потому труд, понятый в его полном смысле — труд как использование всех наших сил, духовных и телесных, — не есть просто необходимость, а тем более тягостная необходимость, как это слишком часто думают. Напротив, труд есть универсальный закон разумных существ. Не должно существовать в обществе особой категории людей, называемой "трудящимся классом", потому что не должно быть праздного класса. Под разными формами, труд предписан всем, он — проявление самой жизни, он должен быть её силой и радостью.

Всё в мире действует. Звёзды движутся в пространстве, воды морей поднимаются в виде пара и вновь опускаются в виде дождя и росы; постоянно прорастает растение, развивается животное; постоянно свет пронизывает пространство — всё движется, всё трудится, всё живёт. Но вселенная совершается усилиями двух различных типов деятелей. Материя реализует замысел, ей чуждый: звёзды на небе и молекулы на земле повинуются слову, которого никогда не слышали. Иное предназначение у духовных существ: мы должны исполнять слово, которое мы слышали, поняли, приняли. Мы должны с разумом и свободой исполнять свою часть всеобщей задачи.

Итак, в мире есть дело, которое надо совершить, план, который должен быть реализован, — и каждый связан с ним через совесть, которая указывает ему его долг. Существование долга в таком понимании предполагает две вещи: Бога и бессмертие. Эту важную истину ясно выразил один из современных философов — Кант, хотя он иногда имел склонность выражаться туманно о вещах, которые по сути своей ясны. Он установил, при помощи убедительных доводов, что существование Бога и бессмертие души — это истины, предположенные долгом, — и вне их совесть остаётся необъяснимой.

Воспользуемся его мыслью, осмысляя её свободно. Моральный закон, этот разумный и универсальный закон, может быть лишь проявлением Божественной мысли, ибо закон есть идея, а идеи существуют только в разуме. Устраните Верховный Разум — и вы уже не сможете понять, где и как может существовать этот всеобщий замысел мира, из которого мы

знаем лишь ничтожную часть, и который, следовательно, не может существовать только в человеческом уме. Обязанность, ощущаемая нами, и которая открывает нам ту часть общего замысла, которую мы должны исполнить, может быть только проявлением Божественной воли, ибо обязанность подразумевает власть, а власть принадлежит лишь воле.

А ведь невозможно утверждать, что наша собственная воля налагает на себя обязательство, — ведь она часто восстаёт против этой обязанности. А так как обязанность универсальна и распространяется на все умы (мы не можем мыслить иначе), то такая универсальная обязанность может быть только проявлением всеобщей воли, то есть воли Бога. Эти доводы, которые легко можно было бы развить дальше, сводятся к простой мысли здравого смысла, которую подлинная наука вполне подтверждает и оправдывает: Закон предполагает Законодателя.

Идея, что совесть есть голос Бога, была провозглашена всеми религиями и всеми достойными философиями. Следовательно, долг — это то, чего Бог ожидает от каждого из нас в соответствии с мерой сил, которые Он нам дал, и с тем местом, которое по Своей суверенной воле назначил нам в мире. Если совесть требует Бога, то она не менее требует и бессмертия. Сердце нуждается в бессмертии, ибо, как говорит Паскаль: «Это ужасно — чувствовать, как ускользает всё, что тебе принадлежит» (Faugère, т. II, стр. 80).

И если бы блага, отнятые у нас смертью, никогда не возвращались, сердце было бы глубоко обмануто. Но, в этом отношении, голос совести звучит ещё яснее и сильнее, чем голос сердца. Я даже не говорю о жажде справедливости, которая отчасти удовлетворяется здесь, но столь обрывочно, что требует дополнения. Я опираюсь на другую мысль. Совесть связывает нас с неким делом, с замыслом, который должен быть осуществлён. А самый первый долг, условие всех остальных — стать добрым, чтобы делать добро.

Но где мы находимся в этом отношении? Обычно мы начинаем с иллюзий жизни, с заблуждений и глупостей сердца. Лишь ценою долгих и горьких опытов мы постигаем, что в нас есть свободная сила, и что у этой силы — определённое предназначение. Час, когда долг серьёзно входит в душу, — часто приходит слишком поздно. Мы начинаем понимать ту задачу, что дана нам, — и вот уже ослабели силы, наступила старость, приблизилась смерть. И мы с горечью повторяем ставшие пословицей слова: «Если бы молодость знала, если бы старость могла!»

А те, кто имел счастье встать на путь долга с ранней юности, кто с самого начала постиг его смысл, — что они скажут? Спросите их, и вы увидите, что даже самые добродетельные из них, по их признанию, испытывают глубокое чувство того, насколько их нравственное развитие остаётся неполным, несовершенным, жалким, — ибо чувство долга по своей природе никогда неотделимо от глубокой и подлинной смиренности. И всё же совесть говорит: надо! Долг должен быть исполнен. Добро должно быть, но его нет. А мы достаточно знаем историю человечества, чтобы с уверенностью утверждать: добро в своей полноте никогда не будет реализовано на этой земле.

Значит, совесть ввела бы нас в заблуждение, если бы всё кончалось смертью — ведь тогда добро, которое должно быть, так и не было бы. Но совесть нас не обманывает, потому что даже самая преклонная старость — лишь слабое начало всей нашей вечной жизни, а смерть — только рассвет вечного дня. Обязательность добра, его неизбежность как того, что должно быть, гарантирует нам жизнь после смерти. Как только долг постигнут во всей глубине своего смысла, занавес смерти разрывается, и бессмертие предстает во всей ясности. Долг, Бог, бессмертие — вот три неразрывные и глубоко связанные мысли. Если вы отделите совесть от Бога и от будущего, вы уже не сможете понять ни её происхождение, ни

её цель. Разумеется, и без всякой религиозной мысли можно понять, что воровать — плохо, лгать — недостойно, что нужно поднять упавшего на улице больного, дать голодному хлеб. Это можно понять, потому что сердце и совесть человека — реальность. Но полного понимания долга, дела, которое нам поручено, цели, которая нам назначена, невозможно достичь, не взглянув за пределы этого мира. Для того, кто не видит ничего за пределами этого мира, совесть останется загадкой, а долг — всегда непонятным.

Теперь мы можем понять, почему мудрость древних остановилась после Сократа. Сократ обладал достаточной верой в Бога и надеждой на будущую жизнь, где воцарится справедливость, чтобы утверждать, что всякий мудрый человек должен соизмерять свои поступки в настоящем с жизнью, которая последует за ним. Да, в его душе были семена сомнения, но они сдерживались живой надеждой, почти доходящей до уверенности, хотя и не достигающей её. После него сомнение усилилось. Эпикурейцы полностью отвергали всё, связанное с божественным. Стоики оставались либо в отрицании, либо в полной нерешительности. Таким образом, к концу греческого мира религиозный свет не усиливался, а угасал, — и в этом причина, по которой истина не расцвела, и даже когда она развивалась, как, например, в стоической школе, — это развитие шло вразрез с основами самой доктрины.

Душа, лишённая взора, устремлённого к Богу, и надежды на вечное будущее, была вынуждена сосредоточиться только на себе и на этой земной жизни. Пришлось строить мораль независимо от всякой религиозной идеи. Но какой будет эта мудрость, основанная только на настоящем? Она станет мудростью, ищущей либо благополучия, либо достоинства. И в обоих случаях она, в конце концов, придёт к оправданию самоубийства, потому что жизнь, какова она есть, несмотря на её прекрасные, великие и благородные радости, — жизнь без надежды, сильнее смерти, — это горькая чаша для человеческого сердца.

Чтобы зёрна сократической мудрости смогли полноценно развиться и устоять, было необходимо, чтобы Бог и бессмертие стали предметом прочной веры. Теперь поймите в полном смысле слова это высказывание апостола Павла, который говорит, что его Учитель «уничтожил смерть и явил жизнь и бессмертие» (2 Тим 1:10). Бессмертие должно было быть явлено, а смерть побеждена, чтобы объяснить жизнь. Нужна была твердая вера в Бога, чтобы утвердить уверенность в бессмертии. Если вы хорошо это поймёте, у вас будет ясное и глубокое понимание одной из главных (не единственной) причин, по которой мудрость древних остановилась в развитии.

Вы поймёте, почему столь ослепительные проблески, озарявшие греческий мир, так и не смогли превратиться в полное сияние истины. Им не хватало прочной веры в Бога и в вечное будущее. Глаза мудрости были открыты, но её взору не хватало солнца правды, которое могло бы озарить настоящее и будущее, жизнь и бессмертие. Я показал вам разные ступени нравственной культуры, выраженные в знаменитых философских системах. Но что касается самого морального опыта — сказал ли я вам нечто новое, нечто, чего вы бы не знали? Нет. Вспомните всё, что мы только что рассмотрели, — и вы увидите, что вы это уже знали. Может быть, я лишь помог вам собрать рассеянные лучи света в одно пламя. И какое богатое сияние изливает это пламя, чтобы озарить и преображать нашу жизнь!

Всё исходит из одной мысли: долг — это дело, которое нужно исполнить, и это дело есть выражение верховной воли, план Творца для мира, который Он призвал к бытию. Сколько мелочных, тягостных, утомительных обязанностей! Сколько жизней — однообразных, скучных, усеянных большими и малыми трудностями! Как часто совесть ставит нас в странное смущение! Всё это верно, и так будет, пока вы смотрите лишь на других и на самих себя.

Но поднимите глаза! Вы не знаете, почему именно этот долг возложен на вас; вы не знаете, почему вам досталась именно эта роль, а не иная, в строении вселенной. Всё это — тайна Владыки мира. Но любой долг, каков бы он ни был, — Бог его хочет. И от одного этого слова всё меняется:

- то, что было малым, становится великим;
- то, что было обыденным, — благородным;
- то, что было трудным и отталкивающим, — становится священной ношей, которую несут с любовью.

Исполнить волю Божью, внести свою часть в дело всемогущего Творца — какая задача! Какая привилегия! Луч вечной славы озаряет всё вокруг. Вглядитесь в то, что происходит в серый, унылый день, когда природа безжизненна, лишена красоты, под однородным, затянутым облаками небом. Вдруг облака разрываются, и появляется солнце — и всё начинает сиять! Лист дерева, ветка, что мгновение назад была чёрной, капля воды, даже пыль, что только что была ничем, вздымается под ногами и сверкает, становится золотой! Так и воля Божья, присутствующая во всяком долге, каким бы он ни был, — это луч солнца, освящающий и преображающий всё.

И это не просто поэзия, или вернее — это и есть истинная, великая поэзия, та, которая воплощается в жизни. Множество людей находили радость и спокойствие в исполнении самых суровых обязанностей, и выходили на эшафот и костёр с мирным лицом и глазами, сияющими надеждой. А множество душ (и, быть может, это выше мученичества, которое даёт силу через свой героизм), — множество душ, поддерживаемых мыслью о Боге, — научились с радостью нести тяготы жизни и выполнять самые скромные обязанности своего положения. Они стали терпеливыми, осознав себя вечными, и радостными, понимая, что в каждом долге, каким бы он ни был, они совершают волю Того, кто есть всемогущий и всеблагой.

На вопрос: В чём природа долга?
Мы только что ответили: Долг — это удел каждого в осуществлении плана Творца.

Каков же этот план? Это значит спросить: Какова цель долга?
И мы, таким образом, переходим к третьей части нашей программы.

† † †

Краткий обзор второй части вернуться к содержанию >>>

Автор стремится определить, что собой представляет долг по своей сути: не просто как обязанность, налагаемая извне, и не как психологическое чувство, а как моральная реальность, присущая человеческой природе. Он отвечает на вопрос: какой силой наделён долг, как он действует и почему он обязателен?

1. Долг как моральная необходимость
   - Автор начинает с ключевой мысли:
     - Долг — это не физическая или правовая необходимость, а моральная.
     - Мы можем не исполнить долг, но осознаём, что должны.
     - Он вызывает внутреннее напряжение между тем, что хочется, и тем, что нужно.
     - Это не внешнее давление, а голос совести, повелевающий свободе.
   - Долг обладает нормативной силой — он обязывает, но не принуждает.

2. Долг и свобода

- Автор подчёркивает, что:
  - Без свободы воли идея долга теряет смысл.
  - Только свободное существо может чувствовать себя обязанным.
  - Долг предполагает способность выбрать добро, несмотря на препятствия.

3. Долг как объективный нравственный закон

- Автор настаивает: долг — не продукт субъективного чувства или воспитания, а объективная норма, которую распознаёт совесть.
- Он не выдуман, а обнаружен внутри человека.
- Он универсален: обязанность быть справедливым, не лгать, не предавать — не зависит от культуры или выгоды.
- Здесь он близок к Канту, но делает акцент не на формальной логике, а на живом нравственном восприятии.

4. Долг и чувство

- Автор рассматривает отношение долга к эмоциям:
- Мы можем испытывать радость или страх, но долг остается в силе даже при равнодушии.
- Он может идти вразрез с желанием, но не исчезает.
- Значит, долг выше эмоций, он — внутренний нравственный закон, а не психическая реакция.

5. Долг и благо

- Автор делает важное различие:
  - Не всё, что приятно, — добро.
  - И не всё, что требует долг, — легко или приятно.
  - Долг — это не стремление к удовольствию, а стремление к благу, даже ценой жертвы.
- Истинная мораль требует превосхождения себя — в этом суть долга.

6. Голос долга — голос совести

- Долг говорит изнутри — это не голос закона, а голос совести.
- Он звучит как повеление: «Ты должен».
- Это повеление имеет моральный авторитет — оно вызывает уважение, даже если не подчиняешься.

7. Заключение главы

- Автор подводит итог: Долг — это свободное обязательство перед добром, признание моральной власти, и внутренний отклик человека на неотменимое «надо».

Автор раскрывает природу долга как внутреннего, свободного, объективного требования, укоренённого в совести человека и ориентированного на добро. Это не просто обязанность, а вызов человеческой личности — быть выше себя ради истины и справедливости.

† † †

Долг — это заповедь, обращённая к воле. Там, где нет воли, где нет существа, наделённого способностью свободного выбора, там не может быть и долга, как не может быть ни добра, ни зла. Долг определяет надлежащее направление, правильное применение свободной силы. Надо действовать, надо что-то делать. Что именно? Делать добро.

Что мы называем добром в нравственном порядке? Исполнение нравственных предписаний. Следует остерегаться чувственности, которая принижает нас до уровня животных, и лжи, которая есть осквернение речи — орудия мысли. Это — долги достоинства. Надо уважать личность, собственность и репутацию ближнего. Это — долги справедливости. Надо помогать тем, кто страдает телом или душой, насколько это в наших силах, способствовать счастью ближнего. Это — долги благожелательности. Делать добро — значит исполнять совокупность этих обязанностей, то есть моральный закон, который с большей или меньшей ясностью открывается совести в зависимости от степени её просветлённости. Этот моральный закон есть выражение воли Божией по отношению к нам. Бог хочет закона.

Можно зайти дальше и спросить: почему Бог хочет закона? Для кого существует закон: для человека или человек для закона? Если человек существует ради закона, то спрашивать о цели долга бессмысленно, ибо долг не имеет иной цели, кроме как быть исполненным. Но если закон существует ради человека, то вполне естественно спросить: каков для человека результат исполнения закона? И этот результат предстанет перед нами как цель закона, как цель долга. Этот вопрос весьма серьёзен, и я не могу скрыть от вас, что учёные мужи не пришли здесь к согласию. Но у меня на этот счёт есть вполне определённое мнение, которым я намерен с вами поделиться.

Закон существует для человека, или, выражаясь более точно — и, следовательно, более универсально, — моральный закон, как выражение порядка, который должен быть осуществлён в духовном обществе, существует для этого самого духовного общества. Человечество, конечно, составляет лишь малую часть великой семьи Отца небесного; но поскольку общества духовных существ, отличных от человечества, лежат вне пределов нашего опыта и нашего знания, мы говорим, что закон существует для человека, ясно понимая, что это утверждение лишь частично выражает истину. Закон существует для человека. Следовательно, результат исполнения закона должен быть счастьем, а счастье и есть цель долга. Таково моё утверждение. Поспешим объяснить и уточнить его, чтобы избежать двусмысленности.

Счастье — это не просто удовольствие или радость. Счастье — это состояние благополучия; таково определение, предлагаемое Французской академией. Но состояние благополучия может быть результатом только тех благ, которые соответствуют нашей природе, а значит — могут быть прочными. Чувственные удовольствия притупляются, наслаждения тщеславия превращаются в мучение, стремления честолюбия заканчиваются пустотой; только в порядке, предписанном совестью, находятся радости прочные и возрастающие, способные составить подлинное счастье. Можно сказать, что вечные вещи уже здесь, в нашей земной жизни, отмечены печатью вечности — именно той устойчивостью, которой лишены всякие безрассудные и порочные радости.

Это состояние благополучия, которое мы указываем как цель долга, не является исключительно личной радостью. Побуждать человека искать счастье в самом себе, в изолированной индивидуальности, — словом, в эгоизме — значит воспроизводить основную ошибку древней мудрости. Слишком очевидно, что поиск исключительно личных наслаждений не может быть целью долга: ведь именно этот поиск, противоречащий долгу, является источником всех моральных конфликтов. Счастье, к которому должен вести долг,

— это общее счастье духовного общества, в котором каждый найдёт свою долю. Важно, наконец, заметить, что счастье не является прямой целью нашей воли. Если бы мы сделали счастье прямой целью нашей воли, то стали бы искать его по зову сердца; а поскольку сердце часто противоречит совести, мы сбились бы с пути долга. Заповедь — абсолютна: «Делай, что должно, и будь что будет» — таков девиз совести. Но абсолютная заповедь оказывается благотворной: ибо, когда исполнено будет то, что должно быть, тогда и произойдёт то, что должно случиться, — счастье.

Счастье — не есть сам долг, но оно — результат исполненного долга, цель долга в божественном замысле. Мы не должны сами вычислять его условия, или, точнее, здесь есть только один расчёт: следовать указаниям совести и полностью положиться в отношении результата на Того, Кто есть высшая Мудрость и Кто располагает вечностью для осуществления Своих планов милости. Счастье — это цель долга; оно станет результатом и выражением порядка, когда зло будет побеждено, и когда после того, как мы сеяли со слезами в мире, омрачённом грехом, мы сможем пожинать с песнями торжества в обители мира.

С этими пояснениями повторим: счастье — это цель долга, и всеобщая задача, возложенная на духовные существа, — осуществление всеобщего блаженства. Эта истина чрезвычайно важна. Совесть говорит, и каждый чувствует её абсолютный характер: «Ты должен, надо». Как только долг понимается как выражение божественной воли, разум легко осознаёт, что послушание Творцу есть послушание законное, основанное на самой природе вещей, ибо тварь, не будучи ничем сама по себе, целиком принадлежит Тому, Кто дал ей бытие.

Но даже когда совесть повелевает, а разум признаёт справедливость и законность повеления, душа всё ещё может не быть удовлетворена, потому что сердце не вовлечено. А сердце может быть вовлечено только перспективой счастья. И оно будет увлечено ею, как только поймёт, что конечная цель, окончательный и вечный результат долга — это блаженство. Тогда душа будет наслаждаться надеждой, и эта надежда станет радостью, а радость — силой.

Важность этой истины требует, чтобы она была окружена наилучшими доказательствами, которые могут её поддержать, ибо нам предстоит бороться с мнением многих учёных, запрещающих нам искать за пределами закона цель самого закона, — и особенно потому, что эта истина трудна для понимания в свете жизненного опыта, со всеми его печалями, скорбями и всем тем, что мешает нам верить в возможность счастья в мире, где — по причине бунта созданий — не исполняется то, что должно быть.

Поэтому я предложу три доказательства в подтверждение моего утверждения.

Первое доказательство — из учения о сотворении мира
Первое из этих доказательств основывается на учении о творении. Сотворение вселенной может быть объяснено только через идею благости. Что преобладало в еврейской религиозной системе? Мысль о суверенности Бога — суверенности, которая обосновывает абсолютный характер Его заповеди. Но особенность христианского устроения в том, что, нисколько не умаляя идеи божественного владычества, оно раскрывает перед нами в благости и любви тот мотив, который привёл в действие верховную силу.

Слабое отражение этого сияющего света можно заметить даже вне пределов христианской веры. На фронтоне одного из храмов, воздвигнутых в честь верховного Бога в языческую эпоху, можно было прочесть памятную надпись: «Deo optimo maximo» — «Богу наиблагому и величайшему». Часто отмечали, что в этой надписи идея благости предшествует идее величия, и что эти слова как бы возвещают рассвет евангельского света.

Если мысль, что благость — это тайна творения, предшествовала Евангелию, то она сохраняется и в наши дни, даже среди умов, которые больше всего отдалились от христианства. Многие современные люди уверены, что они заменили прежние верования новым — верой в прогресс. Они утверждают, что прогресс — это универсальный закон бытия, проявляющийся как в развитии природы, так и в истории человечества. Надпись на древнем храме была предчувствием той полной истины, которую миру открыло Евангелие. И легко показать, что идея прогресса — это обломок той же истины. Прогресс, в самом деле, есть движение к добру, и никто не станет спорить с тем, что счастье входит в состав добра. А раз человечество движется к счастью, если это — закон его предназначения, то принципом всех вещей должна быть благость.

Здесь мы видим ветвь, отломившуюся от лозы. Отломившиеся ветви вянут и засыхают. И мы можем в частном случае увидеть иллюстрацию этого общего закона. Когда идея прогресса отделяется от идеи Бога, рождается фатальная ошибка — считать, что всякая новизна есть прогресс. Это учение не оставляет места суду совести и разрушает саму основу нравственного порядка. Напротив, истинное представление о божественной благости, соединённое с понятием свободы твари, даёт нам понимание того, что в мире действительно есть прогресс, но в нём возможны также падение и отступление.

Мысль о том, что любовь объясняет творение мира, — это опора для сердца, и только она может удовлетворить разум. Действительно, Бог — полнота бытия и совершенства — не мог иметь ни интереса, ни необходимости к акту творения. Но как может действовать существо, для которого нет ни интереса, ни необходимости? Только по любви. В любви проявляется полнота свободы. Творя мир, Бог не мог иметь другой цели, насколько нам позволено в подобных предметах следовать за разумом, как проявить Свою славу. А что есть Божья слава, как сияние Его благости?

(Примечание: Этот аргумент одновременно был развит отцом Лакордером в его парижских лекциях 1848 года и профессором Шарлем Секретаном в Лозанне в курсе лекций, впоследствии опубликованном под названием «Философия свободы». Люди, находящиеся в самых разных условиях, приходят к согласию, когда с искренним разумом изучают следствия одной и той же истины.)

Вывод: Только любовь объясняет творение, следовательно, цель творения — счастье, ибо желать счастья тем, кого любишь, — вот что свойственно любви.

Таков мой первый аргумент. А вот второй.

Второе доказательство — из анализа сущности нравственного закона.
Когда мы в философском исследовании пытаемся классифицировать наши различные обязанности и свести их к единому началу, мы — по крайней мере, я так считаю на основании долгих размышлений — приходим к тому, что единство нравственного закона содержится в высшей заповеди любви. Разумеется, речь идёт не об элементарной милостыне, которой иногда ошибочно приписывают имя любви (charité), но о той любви, которая означает соединение с божественной любовью, стремление к благу всех существ, потому что это — воля Отца Небесного.

Эта высшая заповедь, происходящая из Евангелия и дающая нравственной философии единственный свет, способный полностью удовлетворить разум, вошла в общечеловеческую совесть. В какой-то степени эта идея существует и в душах, порвавших с христианской верой. Достаточно, например, изучить более или менее утопические проекты современных новаторов — таких как Сен-Симон или Фурье — и сравнить их с представлениями древних, чтобы найти ослабленный, но реальный след христианской

мысли. Даже основатель позитивизма, Огюст Конт, заявлял, что результатом нравственного воспитания человека должна стать победа над эгоизмом и его замещение любовью к другим, которую он называл альтруизмом. Но зачем вводить новое слово, если у нас есть старое, и притом гораздо более красивое, — charité, любовь?

Итак, идея, что нравственный порядок требует, чтобы воля каждого человека была направлена не на себя, а на общее счастье общества, — эта идея, согласно почти всеобщему мнению, есть высшее выражение нравственного закона. А если нравственный закон, который включает в себя все прочие, предписывает достижение всеобщего счастья, то осуществление всеобщего счастья есть всеобщая формула долга. Следовательно, ясно, что счастье — это цель долга. Таков мой второй аргумент, и я не вижу, как можно оспорить его обоснованность и силу.

Вот третье [соображение]. Существует радость, присущая нравственному порядку; когда совесть в порядке, душа удовлетворена. Когда долг исполнен, эта радость может сохраняться — и я скажу, сохраняться не только при неблагоприятных внешних обстоятельствах, в бедности, в болезни, — но она может сохраняться даже в смятении сердца. Сердце может быть взволновано, тревожно, но в своей самой глубокой сути душа может быть в мире, потому что она чувствует себя в порядке. Когда человек колеблется между своим интересом и своим долгом, когда происходит борьба между его сердцем и совестью, он пребывает в смятении, и это смятение может дойти до страдания; но когда он совершил жертву своих дурных инстинктов, когда он действительно сделал свой выбор и принял закон, он входит в мир. Спокойствие, которое наступает после бури, распространяет на природу особую ясность; так же обстоит дело и в нравственном мире.

Отречение от эгоизма, вступление в порядок любви — это и есть сущность долга. Следовательно, существует радость, присущая отречению, жертве. Момент, когда человек, казалось бы, отрекается от счастья, отказываясь от поиска личных удовольствий, — это именно тот момент, когда он находит истинное счастье. Вот в чём чудо духовного мира. Тот, кто отрекается от самого себя, чтобы посвятить себя общему благу, работает не только на своё собственное благо в том смысле, что часть общего блага отразится на нём, но он немедленно получает, как следствие своей доброй воли, саму радость самоотверженности. «Тот, кто хочет делать добро другим, уже сделал добро себе», — говорит китайская пословица. Из этого ясно вытекают две истины: первая — что мы не созданы для эгоистического счастья; вторая — что мы созданы для счастья.

Резюмируем эти размышления. Если разум стремится понять существование Вселенной, он приходит к мысли, что творение объясняется только любовью и, следовательно, целью творения является счастье. Если совесть узнаёт себя в высшем законе любви, она тем самым утверждает, что высший закон — делатn счастливыми. В самоотдаче каждого ради всеобщего счастья сердце находит немедленно удовлетворение. Таковы три мысли, которые мы только что развили. Страдания, печали, горечи жизни находятся на поверхности души; но, спускаясь с благоговением в её спокойные глубины, можно найти там, хоть и покрытое пылью, пеплом, увы, слишком часто даже грязью, но всё же навеки вписанное, это магическое и сладкое слово: счастье.

Послушайте эти слова одного современного писателя: «Да, есть кто-то в вас, кроме вас самих; вы не одиноки. Есть, говорю я, кто-то в вас в эту самую минуту, кто смотрит на вас и любит вас. Вы мало это чувствуете, мало в это верите, потому что вся ваша душа где-то в другом месте, погружена и увлечена другими радостями, другими мыслями, другими привычками, другой любовью; заставьте всё это замолчать — и вскоре вы почувствуете присутствие и притяжение Того, кто уже давно говорил с вами, смотрел на вас и любил вас». (Пьер-Олливье Гратри, De la Connaissance de Dieu, II, 330).

Мы спросили: какова цель долга? Теперь мы в состоянии ответить. Вселенная, подчинённая всеобщему закону труда, подобна огромной фабрике, и то, что должно быть соткано на этой фабрике, — это сияющее и чистое полотно всеобщего счастья. Такова цель долга, такова воля Творца. Воспользуемся приведённым сравнением, чтобы извлечь из него несколько полезных уроков — фабрика. Работа на фабрике осуществляется быстро и хорошо только при условии разделения труда. Всё, что совершается в мире, подчинено закону гармонии, который требует единства цели и разнообразия функций. Чтобы принять участие во всеобщем труде, первое, что необходимо, — это признать своё место и принять соответствующие обязанности.

Я оказываюсь призванным, по самой природе аудитории, к которой обращаюсь, затронуть здесь важную и в то же время трудную тему, — я говорю о распределении функций человеческой жизни между полами. Эта тема деликатна для меня, потому что я не могу чувствовать себя в этом вопросе беспристрастным; но если бы я передал слово одной из дам, удостоивших меня своим вниманием, её положение не было бы более беспристрастным, чем моё. И пока мы не сможем иметь судью некой третьей природы, не принадлежащей ни одному, ни другому полу, остаётся только одно — попытаться договориться.

Разделение функций человеческой жизни между полами отнюдь не произвольно: оно основано на неоспоримых фактах. Женщина, как правило, обладает меньшей мышечной силой, чем мужчина, и именно она призвана носить ребёнка в своём чреве и давать ему первую пищу. Здесь проходит граница, которую не способны стереть даже самые дерзкие новаторы. Последствия этих фактов можно представить следующим образом: человеческие дела в своей совокупности делятся на два больших класса — дела домашнего очага, особенно порученные женщине, и дела общественного пространства, которые составляют особую функцию мужчины. Задача общая, предназначение едино, обетования те же, но функции различны, и их не следует менять местами. Язык предостерегает нас: назвать мужчину женоподобным — это оскорбление; и если вы посмотрите в академический словарь значение слова hommasse, применяемого к женщине, присваивающей себе мужские функции, вы увидите пояснение: «всегда употребляется в дурном смысле». Итак, рассмотрим, каковы дела домашнего очага, составляющие особую долю женщины.

Прежде всего, это воспитание детей. Часто говорили о влиянии, которое оказывает на всю жизнь первое воспитание. Часто ещё говорят о непосредственном воздействии домашнего очага, о той силе, с которой хранятся его воспоминания, о благотворном влиянии мысли о возвращении в семью, поддерживающей юношу и девушку, подвергающихся бурям жизни на чужой земле. Здесь вовсе не нужно, как я предполагаю, настаивать на этих элементарных истинах. Простое сравнение, по-моему, объединяет всё, что можно сказать в этом отношении самое существенное. В сельском хозяйстве необходимо две вещи: подготовка почвы и качество семени. Подготовьте почву всеми известными приёмами самой опытной и искусной агрономии, но посейте плохое семя — результата не будет. Дети — это семена общества, а общественные институты, среди которых им предстоит действовать, — это почва, подготовленная для них. Здесь наиболее очевидно проявляется содействие домашнего очага и общественной сферы.

Очень ошибочно недооценивать влияние институтов, которые могут улучшать или портить членов общества; но ещё более серьёзной ошибкой было бы не понимать, что даже лучшие институты будут испорчены плохо воспитанными поколениями. Вы спросите теперь: что важнее — работа с почвой или хорошая подготовка семени? Вы придёте к признанию, что в основе всего важнее семя, так что для достижения общественного блага дело домашнего очага действительно первостепенно. Это дело матери, прежде всего; но в целом — дело

женщины. Часто тётя, сестра, няня, верная и преданная служанка имели в этом отношении не менее энергичное и даже более эффективное и благотворное влияние, чем сама мать.

Что мы находим в домашнем очаге? В первую очередь — ребёнка, которого нужно воспитать. Что ещё? Старика, который уже не способен справляться с внешними делами и нуждается в терпении, заботе и надежде; больного — физически или душевно больного, который требует ухода и утешения. Таковы особые дела домашнего очага: воспитание, благочестие, милосердие. Мужчина должен в этом участвовать, ведь во всём надо согласовывать силы, а не изолировать их. Но если мужчина должен участвовать, то женщина непосредственно несёт ответственность за домашний очаг; она должна беречь священный очаг.

Не следует понимать это узко, как будто деятельность женщины должна ограничиваться стенами её дома и не выходить за их пределы. Вы найдёте замечательные размышления на эту тему в книге г-на де Гаспарина о семье, в главе, где он справедливо говорит об «эгоизме семьи». Некоторые родители думают, что поступают правильно, полностью посвящая себя воспитанию своих детей. Грубая и гибельная ошибка! Дети, которым посвящают себя исключительно с мыслью о том, чтобы воспитать их «как следует», получают отвратительное воспитание, потому что им внушается мысль, что они являются центром семьи и даже центра мира. Первая условие действительно полезного воспитания — поместить ребёнка в центр деятельности, где выполняются все обязанности жизни. Нужно поддерживать очаг, но очаг гаснет, если он не излучает благотворную деятельность за пределами домашнего круга.

Что касается женщин, у которых нет непосредственных обязанностей в семье, которой нет, или у которых мало таких обязанностей и много свободного времени, то их ждут домашние дела в другой форме. Пусть они придут в чужие семьи, позаботятся о детях, бедных, больных; пусть они пойдут к заброшенным мира сего, к стольким душам, которым нужно подать милостыню в виде добрых слов и любви. Хотите понять, что может женщина даже в самых скромных условиях? Ознакомьтесь с короткой и превосходной биографией под названием «Сара Мартин». Там вы увидите, что смогла сделать простая английская работница, жившая только за счёт своей работы иглой, и которая имела мудрость остаться на своём месте и не стремиться уйти оттуда. Вы увидите, что эта бедная женщина, заставляя себя работать немного больше обычного, чтобы освободить один день в неделю — воскресенье, смогла сделать для детей, бедных, заключённых. Это, безусловно, исключительный случай; у Сары Мартин, вероятно, были способности, которые даны не каждому; но это пример, который все могут в какой-то мере подражать.

Итак, вот особые дела женщины: воспитание, благочестие, милосердие. Безусловно, это поле деятельности широко, благородно и прекрасно. Но думаете ли вы, что я стремлюсь ограничить вас только этими особыми делами и исключить вас из областей, которые казались бы вам абсолютно чуждыми? Совсем нет. Женщина должна участвовать везде как помощница и спутница мужчины; она может делать добро во всех областях, при условии, что, вмешиваясь в общественные дела, которые являются особой задачей мужчины, она действует с тем влиянием, которое является её законным способом деятельности, и не претендует на власть, которая ей не принадлежит. Сохранение своего места всегда будет способом быть сильной; выход из своего места всегда будет причиной слабости.

Доля женщины отмечена во всех сферах человеческой деятельности; потому что нет абсолютного разделения, а лишь простое различие между делами домашнего очага и делами общественной жизни. Откуда же выходят политик, учёный, солдат? Откуда они выходят и куда возвращаются? Они выходят из семьи и возвращаются в семью; именно в домашнем очаге питаются все дела, совершаемые в мире, именно оттуда они происходят.

Самые знаменитые реки берут начало из множества ручейков, которые текут с невидимых скал и из тени неизвестных лесов. Если у подножия скалы, в тени леса, по представлениям изящной античности, поставить нимфу, наклонившуюся над кувшином, из которого льётся скромный ручей, который, присоединяясь к сотням других ручейков, в конечном итоге образует реку, — вы получите образ места и силы женщины.

Было бы, например, большой ошибкой со стороны женщин думать, что им не нужно заниматься политикой. Им не следует заниматься ею напрямую, и я считаю, что английские дамы, которые недавно подали петицию в парламент с просьбой предоставить право голоса на выборах, поступили с недостатком рассудительности. Но, не имея привилегии или, точнее говоря, обязанности участия в выборах, женщины имеют великую и высокую политическую миссию. В общественной борьбе мужчины подвержены двум болезням: лихорадке страстей и апатии отчаяния. Эти две болезни, или, скорее, две формы одной болезни, очень близки друг к другу: лихорадочное возбуждение всегда соседствует с упадком сил, как знают врачи.

Женщина же, не вмешиваясь напрямую в борьбу общественной жизни, остаётся, если она верна своей миссии, вне плохого влияния. Она потому прекрасно расположена, чтобы оказывать целебное влияние, восстанавливающее действие, чтобы перевязывать раны политики. Сколько раз, одним уместным словом, она может охладить пыл страстей, приводящий к несправедливости, резким и горьким чувствам, а порой и к клевете! Одним простым словом, словом, подкреплённым совестью, она может нередко в других случаях поднять упавшее мужество. Так она очистит души своих близких, души мужчин своего очага от пены, которая слишком часто возникает в результате общественных столкновений, чтобы оставить там лишь здоровую и благородную жидкость долга перед Родиной и обществом.

Аналогичные размышления можно применить к богословским спорам. Богословские споры вредны для всех — мужчин и женщин, — кто вступает в них, не обладая необходимыми знаниями, чтобы оценить их суть и масштаб. Привилегия женщин — что общественное мнение побуждает их не входить в эту область. Но хотите ли вы знать, что может в этом деле, для истинного блага религии, одно слово женщины? Вот пример из моего личного опыта. Я знал и почитал в молодости одну женщину из Женевы, в память о которой я желаю здесь отдать дань уважения, и в то же время — помня её смирение — воздержаться от упоминания её имени. Это была женщина, известная своей благотворительной деятельностью, чьё положение в этом отношении было похоже на положение благородной иностранки, ставшей нашей соотечественницей, потерю которой оплакивает весь город Лозанна; она была твёрдой и ревностной христианкой.

Все, кто её помнит, кто помнит пыл в её взгляде, когда речь заходила о великом и благом деле, уверены, что если бы потребовалось свидетельствовать о своей вере, она не колебалась бы с радостью восстать на костёр мучеников. Однажды мужчины очень горячо спорили в её присутствии о достоинствах одного перевода Нового Завета, который некоторые обвиняли в еретических тенденциях. Спор шёл о точности перевода с греческого текста, и эта благочестивая и верующая женщина не знала греческого; я думаю, многие из спорящих не знали его значительно лучше её. Она просто сказала: «Если бы мы были христианами только так, как этот перевод, разве этого не было бы достаточно?» Такое слово — семя, и я могу уверить вас, что это семя, упавшее в мою душу, не осталось там пустым; это воспоминание помогло мне понять значение дела домашнего очага, дела женщины в области религии.

Какова же, в этом отношении, роль домашнего очага? Там находится ребёнок, которого нужно научить молитве; там старик, которому нужно принести небесную надежду; там больной телом или духом, которому особенно необходимы слово спасения, обещание

прощения и помощь. Это простые элементы веры, и то, что просто, действительно велико. Именно в домашнем очаге должна храниться и передаваться — вне ущерба богословским спорам — истинная и чистая традиция веры. Нельзя рассуждать о предмете, который нас занимает, не вспомнив один знаменитый эпизод в истории христианства: я говорю об влиянии, оказанном матерью святого Августина. Всем известно, что святой Августин считал слезы и любовь своей матери причиной своего обращения. Менее известно другое — её влияние на развитие его мысли. Мать святого Августина обладала не только пламенной и благочестивой душой, но и высоким, твёрдым умом. Вот что пишет о ней её сын: «Если я думаю только о истине, если я всегда её желаю, если люблю её превыше всего — я обязан этим тебе, о, моя мать».

Однажды (а он так делал не раз), он настоял, чтобы мать присутствовала на философской беседе, которую он вёл с несколькими своими друзьями, и сказал ей: «Ничто не может оторвать вас от истины — ни страх, ни боль, ни смерть; разве это не есть, по всеобщему признанию, высшая точка философии? С этой минуты как бы я мог не признать себя вашим учеником?» Мать ему ответила: «Никогда, мой сын, ты не говорил большей лжи, чем сейчас». Однако сын настаивал, и мать осталась на беседе.

Слабостью святого Августина была склонность теряться в тонкостях, и он сохранил для нас примеры того, как одно слово его матери — слово, лишённое учёности, но исходящее из твёрдого разума и доброго сердца — возвращало философскую беседу на верный путь. Таким образом, в бессмертных страницах святого Августина много от дела Моники, и вполне вероятно, что если бы она захотела руководить церковью в своей стране или сама написать трактат по богословию, её влияние в мире было бы меньшим, чем оно стало на деле. Ведь призваны к судьбе сына Моники немногие, но все люди призваны верно следовать по пути долга. Так послушайте следующее.

Несколько лет назад, в Англии или в Америке, не помню точно, группа молодых людей, все решившие посвятить себя делу человечества через религиозные труды, спросили себя, сколькие из них обязаны своим нравственным устремлением и направлением сердца — матери. Их было сто двадцать, и более ста из них признались, что, по их твёрдому убеждению, главным образом именно матери они обязаны тем добрым, что есть в них.

Таков может быть женский вклад во все сферы жизни — даже в область политики и теологии — вклад, исходящий от домашнего очага, при соблюдении границ, установленных природой. Пусть женщины не думают, будто в моих словах есть хоть намёк на запрет для всякого великодушного порыва, для всякой благородной мечты. Все области для них открыты; они могут везде оказывать влияние, которое будет тем полезнее, что, не будучи призваны участвовать непосредственно в борьбе общественной жизни и не подверженные порочным страстям, из этих борений вытекающим, они могут легче сохранять душевный покой и — в подходящий момент — давать мужчинам услышать голос совести и голос разума. Повторяю: святой огонь вверен их заботе.

Хотят ли они, наконец, иметь надёжный способ (оставляя в стороне всякую вежливость) — надёжный способ оценить свою силу и измерить всё то добро, которое они могут совершить? Достаточно просто увидеть всё то зло, которое они способны причинить! Елена, которая стала причиной гибели Трои, — не единственная женщина, из-за которой народы вступили в войну друг с другом; многие герои, подобные Геркулесу, утратили свою силу, прядя у ног какой-нибудь Омфалы. В самых позорных интригах дипломатии часто встречаются женщины, играющие роковую роль. Если вы обратитесь к архивам уголовного правосудия, то узнаете, что в большинстве случаев убийств, отравлений, подлогов, краж — замешаны женщины: как причины, как поводы, как советницы или соучастницы.

Но не будем спускаться так низко. Вот женщина, чей муж предан умственному труду; но она считает, что мужчине достаточно быть занятым ею одной. Она тормозит деятельность своего мужа — и наносит ущерб науке. Вот другая — жена человека, способного принести большую пользу в государственной службе; но она боится всего, что может помешать её прихотям, её вкусам к путешествиям, к отдыху в деревне, в горах, за границей; она добивается того, чтобы муж не занимал никакой должности, не брал на себя никаких обязанностей — и наносит ущерб государству. Вот другие, легкомысленные и тщеславные, побуждают своих мужей к расходам, превышающим их средства, и этим часто ставят их перед опаснейшими искушениями — они наносят вред нравственности.

Вот женщины надменные, гордые своим положением и рангом в обществе; вот другие — завистливые, ревнивые, которые с раздражением воспринимают всякое положение выше их собственного; и те, и другие роют пропасти между слоями общества, которые следовало бы засыпать — они наносят тяжёлый вред общественному порядку. Наконец, вот женщины, которые, вместо того чтобы хранить веру на её истинном месте — как плодотворный источник жизни, тепла и света, освещающего всё существование, — придерживаются благочестия, состоящего лишь из узких и мелочных практик, из сухих и невежественных формул; они отвращают от веры окружающих мужчин, которым как раз следовало бы к ней вернуться — они наносят ощутимый вред Церкви.

И вот, перед всей этой силой, действующей во зло — силой, которую вы можете измерить внимательным наблюдением за обществом — судите обо всей силе, которая может быть развернута во благо. Но пора вернуться к нашей основной мысли. Разделение жизненных функций между полами — лишь подробность в общей идее о том, что каждое создание имеет своё предназначенное место в устройстве мира и определённую функцию, которую это место ему вменяет. В этом всеобщем деле, которое предлагается нам, каждый занимает своё положение по суверенному указанию Верховного Владыки; но при всём различии мест и вытекающих из них обязанностей возможно — и должно быть — равенство в исполнении долга, равенство в счастье.

Попробуйте теперь представить себе духовное общество, пребывающее в порядке и изливающее неисчерпаемый источник радости, к которой способен человеческий дух, через совершение добра. Увидьте общество, готовящееся во времени к расцвету в славе вечности. Представьте себе в центре мира духов безмерную любовь Божию, изливающую блаженство на все создания, и все создания, взаимно передающие друг другу это счастье, подобно тому, как все звёзды нашего неба обмениваются светом, — вы будете стоять перед замыслом высшего закона, перед вечной красотой.

Но вы не можете созерцать это сияние мира в порядке, не признав, что наше нынешнее состояние — это состояние коренного беспорядка, не поняв, что мир, в котором мы находимся, — это не тот мир, каким хочет его Бог, и что моральная катастрофа выбросила нас из нашего естественного пути. Мы не станем здесь входить в рассмотрение этого серьёзного и торжественного предмета[1]. Мы исходим из плохого состояния — это факт, который едва ли можно оспорить, какой бы ни была принятая объяснительная гипотеза. Наш долг — осуществлять добро, и это соображение подводит нас к четвёртому и последнему пункту нашей программы.

[1] См. том под заглавием: «Проблема зла. Семь лекций», Эрнест Навиль. — Женева, 1868.

† † †

Краткий обзор третьей части вернуться к содержанию >>>

Автор ставит центральный философский вопрос: Ради чего мы обязаны? Другими словами — какова конечная цель долга, к чему он ведёт и откуда черпает своё последнее оправдание? Он показывает, что долг не может быть самоцелью и требует более глубокой цели — как ориентир, как объяснение, как смысл.

1. Долг не может быть бесцельным
   - Автор начинает с отрицания чисто формальной морали.
   - Если долг — это просто «надо, потому что надо», он превращается в механическое рабство или абсурдную необходимость.
   - Всякое «надо» вызывает вопрос: „зачем?“ — и мораль обязана на него ответить.
2. Ответ Канта и его предел
   - Автор разбирает кантовское утверждение:
     - «Долг ради долга» — как высшее выражение нравственности.
   - Он уважает строгость Канта, но видит в этом неполноту:
     - Человек — не чистый разум, но и воля, сердце, цель.
     - Без осмысленного конца долг теряет связь с жизнью.
   - Поэтому Автор задаёт следующий вопрос:
     - Какова достойная цель, соответствующая высокому требованию долга?
3. Истинная цель долга — добро
   - Цель долга — осуществление добра.
   - Не удовольствие, не успех, не одобрение общества,
   - А реальное воплощение справедливости, истины, любви.
   - Это придаёт долгу содержательную направленность: он ведёт к чему-то объективно ценному.
4. Добро как абсолютная ценность
   - Добро не создаётся человеком, а признаётся им.
   - Оно существует выше и независимо от человеческой воли.
   - Поэтому долг — это служение добру, а не конструкции или условности.
5. Связь долга с личной жизнью
   - Автор делает важное уточнение:
   - Цель долга — не абстрактное добро вообще, а реализованное добро в нашей жизни, в поступках, в отношениях.
   - Долг помогает нам двигаться от внутреннего требования — к реальному действию.
   - Он ведёт к самоотдаче, преодолению себя, к живой работе над собой.
6. Бог как последняя цель
   - Автор постепенно поднимается к трансцендентному уровню:
     - Если добро — абсолютное и универсальное, то оно указывает на свою абсолютную причину и источник — Бога.
     - Бог — не внешнее добавление к морали,
     - А высшее основание добра — живой Абсолют, к Которому стремится душа через исполнение долга.
   - Таким образом, цель долга — это не только благо, но и Бог как высшее Благо.

Автор утверждает: долг — это не безличное требование, а призыв к добру, которое имеет высшую цель и источник. Исполняя долг, человек движется к Богу, иногда не осознавая этого — но всякая верная совесть несёт в себе отпечаток этой конечной цели.
Так моральное становится духовным, а долг — путём к смыслу и спасению.

† † †

Творить добро — дело, безусловно, прекрасное, но это дело трудное. Откуда же эта трудность? От сопротивления нашего сердца, которое по природе своей склонно к эгоизму и нуждается в перевороте, в обращении, чтобы отдаться любви.

Перед нами раскрывается обширная тема — практика долга; я же ограничусь одним лишь соображением. Проблема, которую нужно решить, чтобы вступить на путь добра и идти по нему уверенно и твёрдо, состоит в том, чтобы поставить сердце на сторону совести, ибо как только сердце согласится с совестью, явятся и сила, и радость, и практика добра станет лёгкой. Единственное соображение, на котором я хочу остановиться, — это роль наших личных привязанностей и личных отношений в нашей нравственной жизни. Я хотел бы показать, как можно использовать эти привязанности и отношения, чтобы поставить сердце на сторону совести.

Личные привязанности обладают над нами огромной силой. Если они согласуются с моральным законом, они придают нам силу для добра; если же они противоречат ему, то добавляют к нашим и без того слишком сильным дурным наклонностям новую, грозную силу. Поэтому так важно с осторожностью выбирать тех, кто становится объектом нашей привязанности. По этому поводу можно найти замечательные советы у древних авторов, писавших о дружбе (См. особенно трактат Цицерона на эту тему). Они говорят: нужно избегать завязывать дружбу с людьми, которые, быть может, и приятны, и наделены некоторыми качествами, способными привлекать сердца, но чьё влияние способно отвратить нас от прямого пути долга. Та же мысль может быть приложена и к другому роду выборов, которые особенно важны для девушек; я ограничусь лишь указанием на этот аспект.

Моральное значение личных привязанностей порождает великую ответственность для тех, кто становится объектом подобных чувств и может направить своё влияние — как в добрую, так и в дурную сторону. Здесь с особенной яркостью вновь выступает ответственность матерей, и не только матерей по крови, но и всех женщин, способных вызывать чувства сыновней любви. Обычно мать любима своими детьми. Противоположное — очень печально и, к счастью, достаточно редко. Если же мать становится для своих детей живым воплощением совести, то вся та любовь, которую она им внушает, становится для них силой во имя добра.

Вот интересный пример на эту тему. Этот случай произошёл несколько лет назад в одном швейцарском городе. В семье, жившей скорее в бедности, чем в достатке, был мальчик, кажется, учащийся, которому действительно были необходимы карманные часы. А часы для этой семьи были настоящей роскошью. Наконец, после долгих стараний, после множества усилий и экономии, им удалось купить дешёвенькие серебряные часы. Через несколько дней мальчик возвращается домой почти в отчаянии, со сдавленным голосом, сквозь рыдания бросается в объятия матери. Когда он, наконец, смог говорить, он рассказал, что с ним случилось: он потерял эти часы, которые были предметом забот всей семьи в течение нескольких месяцев. Мать тут же ответила: «И всё? Только это, мой ребёнок? Ты меня здорово испугал; я боялась, как бы ты не сделал чего-то против совести». Такие уроки не забываются.

Существуют в человеческом сердце и другие привязанности, кроме сыновней любви, и я хотел бы показать вам пример того, что может сделать девушка ради дела добра. Вы, вероятно, не раз видели — ведь этот образ часто появлялся в витринах наших лавок эстампов — гравюру по картине Ари Шеффера, «Данте и Беатриче». Вы могли заметить: взгляд Беатриче устремлён к небу, а взгляд Данте направлен на Беатриче, и через неё — в

небесные высоты. Беатриче, конечно, возвышенный образ в поэзии великого итальянца, но это вовсе не вымышленный персонаж. Это была юная флорентийка необыкновенной красоты, как говорит хроника того времени, но ещё большей добродетели, чем её красота.

Данте, встретив Беатриче ещё в юности, ждал её у церкви, чтобы получить её привет, когда она выходила. И вот как он описывает свои чувства: «В тот момент, когда эта благородная дама склоняла ко мне голову, ничто не могло заслонить от меня ослепительный свет, заливавший мои глаза; я стоял, поражённый, от невыносимого блаженства, и в этом одном заключалась конечная цель всех моих желаний, в этом одном был мой счастье — счастье, которое превосходило вместимость моей души».

Такова была сила его любви. А вот каково было её влияние на него: «Как только она появлялась, во мне загоралось внезапное пламя милосердия, которое заставляло меня прощать всем и не иметь более врагов». И эта очищающая любовь была столь бескорыстной, что отгоняла всякую злую ревность: «Когда эта благородная дама шла по улицам города, народ сбегался на её пути, чтобы посмотреть на неё, и это наполняло меня чудесной радостью, а те, к кому она приближалась, охватывались таким честным чувством, что не осмеливались поднять на неё глаза. Она проходила, окутанная своим смирением, как бы вуалью».

Таково было влияние Беатриче. Кто сможет измерить долю прекрасной флорентийки в бессмертной поэзии её возлюбленного? Обратите внимание: Беатриче не поучала Данте ни проповедями, ни длинными нравоучительными речами; она просто выходила из церкви, проходила мимо — окутанная своим смирением, словно вуалью — и один лишь её проход делал душу поэта лучше.

Вот это — высокая поэзия. Но давайте скажем то же самое простой прозой: девушка, которая является объектом привязанности молодого человека, обладает огромной силой к злу — уже только потому, что она кокетлива и легкомысленна. Если же она скромна, чиста и ставит выше всего исполнение долга, она обладает великой силой к благу. Наряду с моральным влиянием личных привязанностей, я отметил влияние личных связей вообще. Здесь проявляется одно из самых таинственных явлений духовной жизни. В согласованном действии нескольких воль кроется особая сила: когда несколько воль объединяются ради достижения одной цели, в их совместном действии присутствует нечто большее, чем простая сумма их индивидуальных сил.

Вот почему великий принцип объединения, который дал столь значительный результат в сфере общественных явлений, заслуживает и в нравственной области, в стремлении к добру, более достойного места, нежели то, что ему обычно отводят. Разъясним это на примере. Взгляните, какова сила привычки, обычаев, моды. Эта сила выражается в одном-единственном маленьком слове — «все» (или «так принято»). Сколько людей поступают так, только потому, что так принято! Это одно из могущественнейших владык на земле. Освободиться от его власти трудно, и не нужно освобождаться, когда речь идёт о вещах безразличных. Скажем, мода на одежду — порой стеснительная, порой нелепая (я знаю это по опыту) — но для женщины это разумное правило — не выделяться во внешности по пустякам и следовать моде… сдержанно, разумеется, в тех случаях, где мода не нарушает ни приличия, ни истинных и серьёзных норм жизни.

Когда же мода или обычаи приобретают нравственно порочный характер, нужно уметь противостоять им — даже в одиночку. Но одинокое сопротивление крайне трудно, и вот здесь-то особенно уместна сила объединения, сила, возникающая от согласованной воли. Например: в нашем обществе стало привычным тратить слишком много. Многие европейские государства по уши в долгах, частные лица следуют их примеру, и (факт

настолько редкий, что не может остаться незамеченным!) — в этом вопросе народы и правительства действуют в полном согласии. Если ничего не изменится, Европа, похоже, движется к финансовой катастрофе, которая, быть может, окажется нравственно полезной, но отнюдь не приятной.

Эта чрезмерная трата проявляется особенно в дурной роскоши. Я не говорю о роскоши вообще, потому что роскошь разума и искусства — одно из привилегий человеческого рода, одна из черт, отличающих человека от животного. Я говорю о той роскоши, которая служит удовлетворению чувственности, тщеславия или легкомысленного вкуса, являющегося искажением и карикатурой на истинное чувство прекрасного. Эта роскошь проникает во все слои общества, от высших до низших. Есть роскошь больших состояний, есть роскошь средних доходов, есть роскошь среди простых рабочих — я даже думаю, что существует роскошь нищих, и что многие нищие, в буквальном смысле слова, могли бы — не испытывая ни голода, ни холода — жить гораздо экономнее, чем они это делают.

Пагубные последствия такой ситуации очевидны. Исчезает сбережение; и когда наступают кризисы, когда не хватает работы, тяжесть страдания во многом связана с тем, что рабочие в годы благополучия не делали необходимых сбережений. Там, где сбережения не обязательны — потому что уже накоплены капиталы, способные уменьшиться без ущерба, — роскошь не прибавляет счастья, но отнимает его; она уничтожает подлинное преимущество богатства — истинное благосостояние. Состояние — это сила, могущество, потому что деньги представляют собой труд, и от их применения зависит направление человеческого труда. Состояние позволяет, после удовлетворения собственных нужд и нужд семьи, распоряжаться излишком средств на пользу науке, искусству, общественно полезным начинаниям, помощи частным бедствиям и общим несчастьям.

Избыток, в хорошем порядке, должен собираться в домашнем очаге, чтобы свободным актом быть обращённым в благодеяния. Но когда роскошь повседневной жизни, состояние дома, когда роскошь одежды, пищи, мебели выходят за предел разумной меры — этот избыток, столь драгоценный при благом употреблении, поглощается без остатка, не принося счастья, в пропасти чувственности и, ещё больше, тщеславия. Так можно прийти к бедности при больших доходах, потому что человек богат лишь тем, чем может свободно распоряжаться.

Эти замечания не новы; их уже высказывали по поводу римского общества, например, Цицерон. И здесь возникает важное соображение, связанное с фактами, уже случившимися в древности. Общее увеличение домашних расходов — то, что касается состояния дома — сочетается с другими причинами, чтобы помешать множеству молодых людей вступать в брак. В Риме это явление приняло такие масштабы, что император Август попытался силой законов принудить своих подданных к браку. В меньших масштабах то же самое происходит и в наше время, и нет нужды говорить, насколько сильно это вредит счастью и общественной нравственности. Порочная роскошь всегда есть рабство, а простота жизни — её сила и достоинство: вот мысль, которой нам стоит проникнуться. Я вовсе не призываю наших дам возвращаться к жизни дикарей или принять образ жизни траппистов. Я уже указывал: наука, искусство и общественно полезные предприятия — вот достойные и разумные способы употребления богатства.

Но вот какая мысль часто приходит мне в голову. Наши отцы, многие из которых были более или менее разорены Французской революцией, жили и жили счастливо при условиях жизни гораздо более простых, чем наши. Если бы мы сумели сохранить тот же жизненный уклад, облечённый в новые, более удобные формы благодаря возвращению достатка, если бы мы умели сохранить нравы более скромные и направить возросшие богатства общества на действительно свободные и благородные цели — на развитие науки, искусства,

благотворительности, вместо того чтобы пускать их в расходы на туалеты, еду, меблировку, — каких бы великих результатов мы могли достичь!

Обратите внимание, о чём здесь речь. Рекомендуя сбережение там, где оно необходимо, я не выступаю в защиту скупости и прижимистости. Я прошу лишь о том, чтобы богатые не становились бедными, позволяя всему своему доходу утекать в такие расходы, которые стали для них настоящим ярмом, не доставляя при этом ни особого удовольствия. Я прошу лишь, чтобы деньги, представляющие собой труд, направляли этот труд в более благородное русло, нежели то, что ему задают жалкие поиски тщеславия и чувственности. И вот что важно отметить: эта задача — преимущественно женская, потому что это дело домашнего очага. Мне известны такие дамы, которые говорят: «Что касается меня, я бы хотела жить проще, но мой муж этого не хочет». Если он действительно не хочет — ничего не поделаешь, послушание — её долг. Но если это она, хитрая, умеет добиться от мужа того, чего она сама желает, — вещей, которые, быть может, ему и вовсе безразличны…

Давайте же перейдём прямо к сути. Очень трудно человеку, стоящему в одиночестве, противостоять нравственному течению. Поэтому необходимо объединиться и согласовать усилия; прибегнуть к силе объединённой воли; создать в этом отношении общественное мнение. Нужно основать одно или несколько объединений, потому что следует охватить все слои общества. И тогда — на потоке привычки и моды, идущем неизвестно откуда, источники которого подчас далеки от чистоты, — можно будет противопоставить другой поток: свободный, обдуманный, направленный на сохранение относительной простоты нравов. Когда женщины устремятся к этой благородной цели, они могут быть уверены, что — за редкими исключениями, которые нужно предусмотреть — мужчины окажут им энергичную поддержку и с готовностью споют в унисон эти слова Беранже: «Женщины, заключите святой союз, И протяните друг другу руки».

Значение личных связей в деле добра — огромно, будь то частные привязанности, будь то особая сила, рождаемая объединением воль. Но этим наша задача ещё не исчерпана. Действительно, невозможно найти ни одного человека, ни одного человеческого сообщества, которое было бы совершенно тождественно добру. А чтобы полностью решить нашу задачу, необходимо достичь полного, абсолютного, безошибочного согласия между сердцем и совестью. Мы не можем полностью предать себя ни одному человеку, ни даже обществу людей, и передать нашу личную свободу в чужие руки, ибо наша совесть принадлежит Богу, и отдать её кому-либо иному — значит совершить акт идолопоклонства.

Здесь в особой мере применимы слова человека, который был моим главным наставником в философских исследованиях — Мена де Бирана: «Только религия, — говорит он, — решает проблему, которую ставит философия». Только Бог тождествен добру, и только любовь к Богу способна установить надежное и совершенное согласие между сердцем и совестью. Все религии, за исключением немногих из самых заблудших, стремились пробудить в душах любовь к Божественному. Даже поклонники богов Капитолия выдвигали на первый план покровительство, оказываемое богами римскому городу, чтобы посредством благодарности привязать к ним сердца. А Евангелие? У него нет другой цели, кроме этой.

Иисус Христос показывает в природе благого и милосердного Отца; и когда Он возвращает Божественному Творцу и своё дело, и своё слово, и свой крест, и своё учение; когда Он возводит к Всевышнему Богу, с которым Он соединён таинственным единством, свою жертву за спасение мира, — что Он делает, как не прибегает к высшему средству, чтобы вырвать нас из эгоизма через созерцание бесконечной любви? «Бог возлюбил нас — вот всё учение Евангелия; Возлюби Бога — вот вся его нравственность». Так говорил А. Моно (Adolphe Monod). Платон уже признал, что уподобление Богу заключает в себе всю мораль. Он видел цель; чего ему не хватало, так это знания средства, с помощью которого любовь к

Богу может проникнуть в наши сердца и привести нас к этой цели. Пусть любовь к Невидимому овладеет человеческой душой, погасит эгоизм, воплотится в горячей милосердной любви; пусть в Божественной любви человек найдёт силу, радость и пыл для исполнения долга — это случается каждый день.

Я приведу один только пример. Недавно я закончил чтение — не романа, а книги, поражающей истинностью. Это произведение под названием «Рассказ одной сестры» (Les Récits d'une sœur) — повествует о жизни молодой, прекрасной, блистательной женщины, окружённой всеми благами жизни, которая была соединена с мужчиной, которого любила страстной и чистой любовью, и которая, после краткой вспышки счастья в несколько дней, должна была наблюдать, как чахнет и умирает тот, кому она отдала своё сердце. После горечи утраты, равной её прежнему счастью, эта женщина, ещё молодая, ещё красивая, ещё способная наслаждаться жизнью, жила только ради семейной привязанности и пламенной любви к бедным и больным. Она добровольно сделала свою жизнь бедной, чтобы приблизиться к тем, кого любила.

И она говорит — с такой непреложной искренностью, что нельзя усомниться — что в этом состоянии, лишённом всего, что мир называет счастьем, она нашла в любви к Богу, выраженной делами милосердия, радость, превосходящую всё то, что она прежде знала, — а ведь она испытала радости, какие только может дать земля.

Теперь вернёмся, чтобы подытожить, к нашему исходному пункту. В начале жизни сердце наше стремится к радости; оно не ошибается в предмете, потому что наша душа предназначена для счастья, — но ошибается в направлении. Мы естественно ищем радость в этом мире и в удовлетворении эгоизма; мы ищем удовольствия, комфорт, гонимся за наслаждениями тщеславия и гордости — и всё это нас обманывает. Обманывает потому, что между нашей душой и нашей нынешней судьбой существует неустранимое несоответствие. И будь мы вооружены мудростью Эпикура или достоинством Зенона — поиски эгоизма приводят лишь к разочарованию.

Те, кто вступает на этот путь, вскоре пополняют ряды семейства разочарованных. А это большое семейство: разочарованные, плачущие в тишине, те, кто жалуется во весь голос, те, кто смеётся горьким смехом над иллюзиями молодости; разочарованные, которые мечутся от праздника к празднику, от удовольствия к удовольствию, от развлечения к развлечению, потому что боятся остаться наедине с собой, зная, что из глубины их души выступит грусть и скука! Если мы ищем счастье в себе и в этом мире, оно ускользает от нас; и, продолжая вечно его желать, мы в конце концов перестаём в него верить.

Мы подобны людям, родившимся в пещере, никогда из неё не выходившим, и, не зная другого света, кроме тусклого света лампы, отрицающим существование солнца и насмехающимся над теми, кто говорит о солнце, — потому что, сколько бы они ни обходили своё тёмное жилище, они ни разу не встретили солнечных лучей. Но у пещеры есть выход — узкий и низкий проход, который может задеть нас, причинить нам боль, — но только он ведёт к тому месту, откуда можно узреть красоту истинной земли и великолепие подлинного неба. Отречься от себя в смысле эгоизма, понять, что человек имеет цель, имеет дело, которое должен совершить, увидеть в этом деле Бога, а в перспективе — вечность, — вот путь, ведущий из пещеры жизни.

Тот, кто искренне, серьёзно и решительно захочет исполнять волю Божию в исполнении долга, — тот станет на путь всей истины: он узрит величие нашего предназначения и безмерную глубину зла, отделяющего нас от него; его душа откроется всем словам прощения и помощи, в которых так нуждается человеческая совесть. Вот мы и дошли до конца этой речи, которую было бы легко продолжить.

Я думаю, что не только не вышел за рамки своей темы, но даже далёк от того, чтобы исчерпать её. Я хотел разъяснить одно слово, только одно слово, — но постарался осветить всё, что в нём заключено, и всё, что оно предполагает. А всё, что я сказал — и многое другое, — действительно заключено, по моему мнению, в этом слове, которое велико перед совестью и становится сладким для сердца, когда мы поняли, что любовь — основание заповеди: Долг.

† † †

Краткий обзор четвертой части вернуться к содержанию >>>

Глава посвящена практическому вопросу исполнения долга: как реально жить в согласии с совестью, несмотря на внутренние и внешние препятствия. Автор показывает, что решающим условием здесь является преобразование сердца и использование личных чувств как источника нравственной силы.

1. Добро — прекрасно, но трудно
   - Делать добро — «дело прекрасное, но трудное».
   - Главная причина трудности — эгоизм, укоренённый в человеческом сердце.
   - Чтобы начать исполнять долг не по принуждению, а с радостью, нужно обратить сердце к совести — соединить чувство и нравственное сознание.
   - Ключ: не просто знать, что правильно, но хотеть того, что правильно.

2. Центральная идея: сердце должно встать на сторону совести
   - Когда сердце и совесть в согласии — исполнять добро становится легче и радостнее.
   - Этот внутренний союз — не абстрактная идея, а конкретная задача нравственного воспитания.
   - Автор сосредотачивает внимание на роли личных чувств и отношений в этом процессе.

3. Личные привязанности как моральная сила
   - Привязанности (дружба, любовь, родственные чувства) — мощная сила.
   - Если они в гармонии с совестью — они укрепляют в добре.
   - Если они противоречат совести — становятся союзниками зла.
   - Поэтому важно: Выбирать тех, кого любим, и
   - Осознавать ответственность перед теми, кто любит нас.

4. Пример с матерью: чувство + нравственная ясность
   - Автор рассказывает случай из швейцарской семьи:
     - Мальчик теряет часы, на которые семья долго копила деньги.
     - Он в отчаянии, но мать отвечает:
     - «Я боялась, что ты сделал что-то против совести».
     - Этот ответ — великая нравственная педагогика: он показывает приоритет совести над вещами.

5. Пример Беатриче и Данте: влияние чистоты и скромности
   - Автор цитирует Vita Nuova Данте: любовь поэта к Беатриче была не просто страстью, а силой, которая вела его к добру и прощению.
   - Она действовала не речами, а самим своим образом жизни — скромностью, чистотой, достоинством.
   - Вывод: Женщина, даже молчаливым присутствием, может быть нравственным маяком, если её жизнь отражает идею долга.

6. Обратная сторона: сила соблазна

- Если девушка, любимая юношей, легкомысленна, кокетлива, она может — одним своим поведением — увести человека от долга.
- Отсюда моральная ответственность не только за себя, но и за то, как мы влияем на других.

Автор показывает, что нравственная жизнь требует не только разума, но и вовлечения сердца. Практика долга становится реальной, когда любовь, уважение, привязанности не отвлекают от совести, а помогают ей. Чистота отношений, осознанность в чувствах и внутреннее преображение — это путь, по которому человек учится жить согласно долгу с радостью и силой.

Перевод 2025 г. - Школа Христианской Мудрости
School Christian Wisdom www.scwi.top